

A movie poster featuring a close-up of a man with a beard and a woman with blonde hair. The man is wearing a dark suit and a watch, and he is holding the woman's face gently. The woman has blue eyes and is looking slightly away from the camera. The background is dark with some blurred lights.

ДИАНА
СТАВРОГИНА

О ЧЕМ ОН
могли

Диана Ставрогина

О чём он молчит

«Литнет»

2022

Ставрогина Д.

О чём он молчит / Д. Ставрогина — «Литнет», 2022

– Из меня не вышло хорошего мужа, – выдал он часть правды. Всю рассказать Кате он точно не мог. – Совсем не вышло. – Я думала, ты любил свою жену...
– сказала она растеряно. – Лена с тобой не согласится. – А ты? Он посмотрел ей в глаза: – И я.

© Ставрогина Д., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	42
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

Он хотел спросить и не мог решиться. Время утекало, напряжение между ним и Катей росло. Он не верил, что когда-нибудь потом случится еще один шанс.

— Ты... — начал он, еще сомневаясь, что закончит вопрос. — Ты никогда не думала, что нам не стоило тогда расставаться?

Катя застыла на месте.

— Я... я не знаю... — Он не услышал в ее словах полной искренности. — Я никогда не думала об этом... так.

Он попытался поймать ее взгляд, но она упорно отводила глаза.

— Ты никогда не думала? Об этом? — повторил он за ней, утопая в неверии и разочаровании. — Ни разу? Ни капли сомнений?

— Я...

— Что? — теперь он спрашивал издевательски.

Денис злился.

Он так злился, что едва видел Катю перед собой. Ее золотистые, собранные в низкий хвост волосы. Полуоткрытые на вздохе губы. Ярко-голубые, наконец-то встретившиеся с его глаза, влажные и блестящие. Выученное наизусть лицо, продолжавшее сниться ему годами. И он злился. Потому что оказалось, что мучился только он.

— Денис... — начала она, но тут же замолчала, словно не зная, что сказать.

— Мы собирались пожениться, мать твою! — прошепел он, удерживая себя от крика. — А ты вычеркнула меня из жизни одним махом, и что, никаких сомнений? Так ты меня любила? — Катя просто смотрела на него. Пристально и безмолвно. Он отстраненно следил за тем, как переполнившие ее глаза слезы наконец покатились по щекам. — Ты хотя бы попыталась понять? Ты чувствовала эту... безысходность? Когда ты готов на все, чтобы вернуть все назад, но ничего не можешь поделать? — Она все еще молчала, словно парализованная. — У тебя, знающей все и всегда, нет ответа, Кать?

Глава 1

I built a house for love to grow

I was so young that it was hard to know

Adele[1]

Глава 1

Просторный номер отеля весь был заполнен льющим через огромные панорамные окна солнечным светом. Лена и забыла, когда последний раз в холодной, мрачной Москве, с вечно прячущимся за пеленой туч небом, было действительно светло, как днем.

Проснуться утром от пронзительно-ярких солнечных лучей, бьющих в глаза, было неожиданно, но целая плеяда перемен, пусть и в мелочах, породила в Лене обнадеживающий оптимизм.

Другой город, другая погода, обстановка — как шанс на другую реальность. Лена была практически в отпуске. В отпуске со своим мужем. Впервые с медового месяца.

Когда Денис пару недель назад неожиданно завел разговор о том, чтобы им вместе поехать в Сочи на трехдневный юридический форум, где ему предстояло выступать в качестве одного из основных спикеров, Лена удивилась: он никогда не звал ее с собой в командировки. Когда же он, получив ее согласие, вдруг предложил остаться у моря на все новогодние каникулы, она едва скрыла шок.

Денис никогда не отдыхал. Его рабочий график составлялся вопреки государственному календарю. За три с лишним года их брака Денис ни разу не брал отпуск и не ставил на паузу трудовой процесс в выходные. За прошедшую ночь и утро Лена провела со своим мужем больше времени, чем в любой другой день уходящего года.

Она давно знала, от чего — от *кого* — он бежит. Знала, что пытается безуспешно преодолеть столько лет подряд. Жизнь оказалась жестока в своей иронии: боль мужа обидой ранила Лену, но в то же время не вызвала настоящей злобы — она по себе знала, какой непреодолимой силой обладает безответная любовь, и проявляла сострадание к товарищу по несчастью.

Оглядываясь назад, на первые месяцы их брака — яркие, полные эмоций и, как ей тогда казалось, взаимных чувств, — она все увереннее приходила к выводу, что в то время Денису удалось ненадолго обмануться самому и тем — обмануть ее.

Он пытался, правда, пытался жить дальше, но из года в год как будто все слабее. Примиряясь с собственным бессилием, угасая перед остающимся неизменным и предсказуемым будущим, закапываясь в работу с головой, только бы не думать о другом — Лена все это понимала. Слишком хорошо понимала, но не знала, что делать дальше. Иногда она думала, что та оглушительная контузия правдой, что обрушилась на нее пару лет назад, до сих пор не прошла.

В ванной прекратил шуметь душ. Лена, закончив наносить макияж, подхватила с кровати брючный костюм. Поправляя чуть криво севшую на груди блузку, она пристально изучала собственное отражение, чаще чем нужно останавливаясь взглядом на завитых крупными локонами темно-русых с медным отливом волосах.

Прошло уже несколько минут, как она закончила с одеждой, но продолжала стоять на месте, задумчиво прикладывая пряди ближе к лицу и, поморщившись, отводила назад. Лена так и не привыкла к этому цвету волос. Он не родной. Не подходящий. Не ее.

Она от рождения натуральная блондинка. К сожалению, как и та, *другая*.

Дверь ванной открылась со щелчком. В комнату в длинном гостиничном халате зашел Денис. Лена обернулась к нему.

— Ты собралась уже? — Он обвел ее взглядом. — Оперативно.

Она кивнула и послала Денису через плечо легкую улыбку. Он, вероятно, не заметив, снял халат и потянулся к брюкам.

— Думаешь, успеем на завтрак? — спросив, Лена взглянула на часы, прикидывая расписание на день. Она уже и отвыкла что-то планировать совместно с Денисом.

— Да. Сейчас оденусь и пойдем.

— А твой доклад, я думала, может быть, ты захочешь сейчас просмотреть еще раз?

— За завтраком посмотрю, чем еще там заниматься, — Денис пробормотал, не отрываясь от завязывания галстука, а Лена почувствовала внутри знакомую горечь.

— Хорошо.

— Расскажешь потом, как тебе, — он сказал невзначай, не оборачиваясь даже, а у Лены все затрепетало внутри, но она удержала себя от слепых восторгов.

— Я же бросила юрфак, Денис. Что я тебе такого скажу, что ты сам не знаешь?

— Не прикидывайся некомпетентной, — пожурил он с веселыми нотками в голосе. — Я отлично слышал вашу с Ларой оживленную полемику по поводу новых поправок в УПК[2].

Лена от изумления не сразу нашлась с ответом. Он действительно тогда, уткнувшись с самым увлеченным видом в телефон, слушал их разговор?

— Просто не хочется совсем все забыть, — призналась она начистоту. — Интересно, да и три года учебы жалко.

— Поэтому я тебя сюда и позвал.

— Спасибо, — она поблагодарила. — Мне, правда, любопытно немного в этом повариться.

Денис сдержанно кивнул.

Подождал к зеркалу, стал рядом с ней. Снова обвел ее взглядом, теперь уже в отражении, прежде чем сказать:

— Очень красиво, Лен.

Она просияла.

— Спасибо.

Наклонившись, Денис прижался губами к ее шее. Лена ожидала короткого, поверхностного поцелуя, но прикосновение затянулось, став очевидно страстным. Шумно втянув в себя воздух, Денис жадно провел губами дорожку по шейному изгибу снизу вверх, иногда чуть вбирая внутрь кожу, но так, чтобы не осталось следов.

Лена почувствовала слабость в ногах. Когда в последний раз Денис настолько демонстративно ее хотел? Она затрепетала восторгом от одной только мысли, но вдруг дернулась и ойкнула, сама разрушая редкий счастливый момент.

Денис отстранился и посмотрел на нее с непониманием.

— Колется, — пояснила она, бросив взгляд на его густую щетину, полностью покрывавшую и щеки, и подбородок. — Ты же знаешь, у меня кожа на лице очень чувствительная.

Он растерянно кивнул.

— Извини, надо было побриться. Завтра обязательно.

[1] Строчки из песни Адель "To Be Loved" (англ.):

Я построила дом, чтобы взрастить в нем любовь,

Тогда я была слишком неопытна и молода...

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Глава 2

Первая половина текущего тематического блока завершилась выступлением Дениса, вызвавшего у участников форума оживление. Пока длился доклад, Лена краем глаза отслеживала реакцию аудитории. Конечно, позднее ожидалась дискуссия за круглым столом, но уже сейчас было ясно, что речь Дениса нашла среди юристов сильный отклик: как положительный, так и негативный.

Лена видела, как кто-то морщится и кривит лицо, не желая принимать обличительные слова на свой счет, как после той или иной реплики кто-нибудь коротко согласно кивает и даже делает записи в ежедневнике. Тема доклада была противоречивой, Денис не пытался сгладить истинное положение дел и не выражался эвфемизмами во избежание возможных последствий со стороны критикуемых.

Она с особым вниманием впитывала часть со ссылками на его практический опыт, наконец, получив шанс заглянуть в его жизнь, узнать, чем он занимался целый год. Благодаря своей лучшей подруге Ларе, которая уже много лет была коллегой Дениса в юридической фирме, Лена, конечно, догадывалась о том, как много действительно важного он делает как адвокат и правозащитник, но ей хотелось хотя бы что-нибудь услышать от него лично.

Безусловно, Дениса обязывала молчать адвокатская тайна, но даже в абстрактной форме он не пытался делиться с Леной деталями. То ли не придавая собственным делам особого значения, то ли не испытывая настоящего желания обсуждать их с ней, он все и всегда держал при себе.

Стараясь как можно внимательнее слушать доклад, Лена готовилась к содержательной беседе с мужем в перерыве, надеясь, что эта поездка действительно изменит давно сложившийся порядок вещей в лучшую сторону.

Под громкие аплодисменты Денис сошел со сцены с самым нейтральным выражением лица, как будто его совсем не волновало произведенное на окружающих впечатление. Он делал то, что считал необходимым, и не ждал за это похвалы. Лена улыбнулась ему, дожидаясь, пока он подойдет ближе. Для всех объявили получасовой кофе-брейк.

Оказавшись рядом, Денис приобнял Лену за талию и довольно сощурился, глядя ей в глаза.

— Ну как? — спросил он, едва они вышли из зала в холл.

Лена охотно поделилась результатами наблюдения за слушателями, выразила собственное восхищение, уточнила несколько заинтересовавших ее программных предложений. Они с Денисом даже успели вполне содержательно поспорить на пути к столам с напитками и легкими перекусами.

— До сих пор не понимаю, почему ты решила, что юрфак не твое. — Денис покачал головой и потянулся за чистым стаканом. — Кофе? Не уверен, правда, что местное пойло, — он с сомнением посмотрел на очевидно бюджетной стоимости кофемашину, — можно называть кофе.

Лена издала смешок.

— Я все-таки рискну. — Вода и пакетированный чай прельщали ее еще меньше, чем дешевый и горький, но все-таки натуральный кофе. — А что касается юрфака, я уже говорила: мне не нравилось, каким человеком я становилась, продолжая погружаться в эту среду. Это неизбежная трансформация, без нее никуда, но я так не хочу. В моем случае изменения были слишком сильны.

— Аккуратно, бери за верхний край, очень горячо. — Денис подал ей кофе. — Да, — наполняя теперь свой стакан, он понимающе кивнул. — Юридическое мышление — та еще хрень. Сознание меняется капитально. Ты творческая, тебе чувствовать нужно и верить в хоро-

шее. — Ирония в последних словах лишила их разговор наметившейся на мгновение интимности.

Лена глотнула кофе, не зная, что сказать. Денис повторил за ней и поморщился.

Он чуть приоткрыл рот, явно намереваясь что-то произнести, но как будто разом закаменел: рука со стаканчиком, замершая у груди; едва заметно, но все же распахнувшиеся в болезненном удивлении глаза, единственные, двигались, пристально и напряженно наблюдая за чем-то или кем-то позади Лены.

Медленно она обернулась, следуя за траекторией его взгляда. У стола в противоположном конце помещения было небольшое столпотворение с десятков человек. Все они довольно оживленно общались друг с другом, и Лена не сразу догадалась, почему Денис так отреагировал на посторонних людей. Однако через секунду все встало на свои места.

В центре внимания той мини-группы была высокая, безупречно выглядевшая в черном деловом костюме блондинка. Золотистые волосы, собранные в достаточно строгий, но изящный пучок, уверено занятая поза, очаровательная, но лишенная кокетства улыбка, вопреки которой в чертах вполне миловидного лица проскальзывали жесткость и готовность, если потребуется, дать бой, были Лене знакомы.

Теперь она понимала, почему Денис в один миг забыл обо всем. Она знала, на кого он сейчас смотрит, и, даже не оборачиваясь назад, знала, что увидит в серо-зеленых глазах с трудом скрытую за искусственным спокойствием тоску.

Не успев еще отвести взгляд, она наблюдала, как только что вполне дружелюбно переговаривающаяся с кем-то Катерина Морозова — одна из лучших юристов страны, широко известная активистка и правозащитница — почти неявно, заметив Дениса, сбилась с речи и переменилась в лице. Предназначавшиеся ему холод и презрение показались Лене осязаемыми.

Морозова, отвернувшись, сосредоточилась на одном из своих собеседников, и тем словно запустила остановившееся время. Вернулся гул разговоров, захлопали двери, заскрежетали отодвигаемые по гладкому напольному покрытию металлические стулья, пальцы ощутили идущий от стаканчика кофе жар.

Лена обернулась к Денису. Склонив голову, он изображал хмурую заинтересованность напитком в своих руках.

— Я схожу, куплю нам нормальный кофе. Через дорогу была кофейня. Подождешь?

Лена молча кивнула. В его голосе больше не было утреннего тепла.

После того, как Денис ушел, Лена зажмурилась и сделала глубокий вдох. Резало. Пусть ей давно известно о чувствах мужа к другой, все равно — резало. Снова убедиться лично, увидеть своими глазами — больно. Большую часть времени было намного легче принимать существующий расклад.

Да, ее муж много работал. Да, он не стремился провести с ней все свободные минуты, но по-своему заботился. Выражал привязанность. Был ей другом. Лена не сомневалась, что в важные моменты на него можно положиться. Просто... он ее не любил, но иногда ей удавалось об этом забыть.

Подобные сегодняшнему столкновения с правдой случались редко. Морозова работала в Питере, Лена и Денис жили в Москве. Впрочем, дело было совсем не в расстоянии. У нее не имелось сомнений, что ни Денис, ни Морозова не ищут встреч друг с другом. Что бы между ними ни случилось, насколько Лена могла судить по дошедшим до нее от покойной ныне све-крови рассказам, мосты были сожжены.

Возможно, она долго бы не подозревала, что Денис не сумел забыть бывшую, с которой прожил почти десяток лет, но ей досталась не следившая за языком свекровь, что оказалась безумно счастлива, что ее сын «одумался и женился на такой хорошей девочке, не то что эта своенравная Катерина».

В присутствии Дениса Татьяна Федоровна подобных ремарок себе не позволяла. Вряд ли он подозревал, как много Лене известно, несмотря на его молчаливое нежелание говорить о прошлом. Она и не настаивала. До поры едкие речи свекрови о какой-то абстрактной Катерине воспринимались как фон. Ненужная, необъективная информация. Лене ничуть не льстило, что она оказалась якобы лучше своей предшественницы.

Невольно опять заметив среди окружающих людей Морозову, она, отведя взгляд, переместилась из залы в холл, и в ожидании возвращения Дениса села на банкетку около гардероба. Она думала о начале сегодняшнего дня. О том, каким относительно себя обычного оживленным был ее муж.

Последний год он сильнее закрылся в себе, стал мрачен, еще больше закопался в работу. Попытки поговорить с ним откровенно, узнать в чем причина перемен, терпели неудачу. У Дениса всегда все было хорошо. Он ссылался на удвоившуюся после повышения до руководителя практики нагрузку, на командировки, проекты; на недосып и усталость, но истины в его словах было ровно столько же, сколько и лжи.

Его звали на конференцию — он принимал приглашение; предлагали провести курс лекций в университете — он выражал интерес, даже не заглянув в рабочее расписание; юристы из регионов обращались за консультацией — он полноценно втягивался в процесс и улетал на другой конец страны. Чем дальше, тем сильнее он разгонялся, и Лена не представляла, как его остановить. К концу года Денис спал по три часа в сутки, а иногда и вовсе не ложился. Откуда он черпал силы, как сохранял ясность ума, было непонятно.

Его внезапное желание отдохнуть воодушевило ее, но теперь она сомневалась, что поездка удастся. Они пробыли в Сочи меньше суток, а все уже разваливалось.

Знал ли Денис, что Морозова будет здесь? Поэтому он захотел приехать? Поэтому был таким радостным утром?

Лена остановила себя. Будь так, ее присутствие здесь не имело бы никакого смысла. Денис очень тщательно скрывал свои чувства. Он ни за что не поставил бы ни ее, ни самого себя в подобную ситуацию намеренно. С точки зрения рассудка, если ненадолго упустить из вида нездоровый трудоголизм, его поведение в качестве мужа формально оставалось безупречным.

Если у него все-таки появлялось свободное время, они проводили его вдвоем. Если Лене была нужна помощь, он всегда охотно помогал. Он поддерживал ее в сложный период смены карьерного направления, став одним из немногих, кто не выразил ни капли неверия в то, что у нее все получится.

Он ей не изменял; удивительно, но, зная о его чувствах к другой, Лена ни разу не усомнилась в его физической верности. За годы их брака она изучила Дениса достаточно, чтобы увидеть в нем человека с принципами. Он отвечал за свои поступки и за свои слова.

Любые мероприятия и торжества они посещали вместе. Стоило Лене отвлечься на беседу с кем-нибудь из знакомых, обязательно находились не стеснявшиеся ее присутствия женщины, стремящиеся с Денисом пофлиртовать, правда, всегда безуспешно. Сдержанные попытки он вежливо игнорировал, особенно наглые — открыто обрубал.

Время он времени Лену даже мучило странное любопытство: как скоро она бы догадалась, что он влюблен в другую, сама по себе? Без сплетен, соцсетей, фотографий. Без случайных столкновений Дениса с Морозовой в ее, Лены, присутствии? Догадалась бы? Или списывала бы его холодность, погруженность в себя и трудоголизм на особенности личности?

Сколько пар живет, не зная, что мысли одного из них навсегда принадлежат третьей стороне? Не подозревая, не замечая, не чувствуя. Есть ли благо в том, что она в отличие от многих других знает правду?

Что ей с этой правдой делать?

Глава 3

Денис вернулся за несколько минут до начала следующего блока выступлений. Заметив сидевшую в полупустом холле Лену, он удивленно нахмурился и, ускорившись, подошел ближе.

— Ты чего здесь, а не в зале? — спросил он чуть обеспокоенно.

Ее обдало повеявшей от него прохладой, а затем крепким до щипания в носу и горле запахом сигаретного дыма.

— Тебя ждала. — Лена легко пожала плечами, стараясь не думать о том, что он, кажется, все двадцать минут своего отсутствия без остановки курил.

Денис протянул ей стаканчик с кофе, сразу же предостерегая:

— Горячий еще, аккуратно. Я взял фильтр — «Кению», «Суматры» не было[1].

— Спасибо. — Она улыбнулась. Когда они только познакомились, способность Дениса помнить всякие мелочи вроде ее любимого сорта кофе вызывала восхищение: то, как легко он проделывал подобное из раза в раз, влюбляло в себя.

— Я сейчас.

Сделав осторожный глоток, Лена наблюдала, как Денис идет к гардеробу. В его движениях, в том, как, поставив свой стакан на тумбу, он резко стянул пальто, как поспешно шел назад, считывалась нервнирующая напряженность.

— Денис, все хорошо? — не утерпев, она обратилась к нему, понимая, что правды он ей не скажет.

— Более чем. Доклад прошел, теперь полдня только сидеть да слушать, — он шутил, но Лена чувствовала его внутреннюю издерганность. — Пойдем в зал?

Коснувшись ладонью ее спины, он как будто с трудом удерживался от того, чтобы физически подтолкнуть Лену вперед. Она двинулась с места; им действительно стоило поторопиться.

Внутри люди уже вовсю наполняли зал, на сцене еще занимались приготовлениями организаторы. Лена попыталась не слишком явно осмотреться по сторонам. Краем глаза она видела, что Денис, кажется, делает то же самое. Морозовой нигде не было.

Они заняли свои места. Лена, чувствуя себя сейчас немного спокойнее, чем полчаса назад, пила кофе и гадала, в какие мысли вновь погрузился Денис. Молчание причиняло дискомфорт.

— Когда у тебя следующий доклад? — нашла она наконец повод для разговора. — Завтра?

Он, словно до него с опозданием донеслись ее слова, с небольшой задержкой покачал головой.

— Нет, только в последний день. Завтра по программе несколько интересных спикеров в первой половине дня, потом можем прогуляться до моря.

— Да, звучит отлично.

Денис кивнул.

Появление на сцене ведущего избавило Лену от необходимости придумывать продолжение беседы.

На следующий день после обеда они действительно выбрались к морю. Прогулка с мужем вызвала у Лены смешанные чувства. Горько-тянущая печаль вместе с щемящим теплом давила в груди, когда, держась за руки, они брели по едва заснеженной гальке, вдыхая холодный морской воздух.

Они мало говорили, в основном обсуждали форум, прикидывали что из местных достопримечательностей стоит посетить. Общение не клеилось, спрятаться было некуда. Между

ними вторые сутки мерцало беспокойство, Лена слабо представляла себе, как они проведут целых десять дней в таком настроении. Ни прошлой, ни этой ночью Денис к ней не прикоснулся.

Уже в последний день форума она поняла, что ждет его окончания с нетерпением. Она устала оглядываться по сторонам. Жить с ощущением чужого присутствия за спиной всего лишь из-за единожды промелькнувшей в толпе женщины.

Вчера Лена не нашла Морозовой ни среди выступающих, ни среди посетителей. Оставалось пережить сегодняшний день. Форум закончится, участники разъедутся по городам. Быть может та, чье гипотетическое появление так ее беспокоит, уже и вовсе не в Сочи.

Денис ушел за кулисы готовиться. Лена, увлекшись, слушала выступавшего непосредственно перед ним профессора МГУ, личность которого была ей знакома еще из учебников по уголовному праву. Когда на сцене появился Денис, она на мгновение залюбовалась, как будто видела его впервые в жизни.

Он умел захватить всеобщее внимание, когда по-настоящему этого хотел. Одна уверенная улыбка, остроумная шутка, короткий бархатный смешок — и люди уже не отвлекались на других. Устоять было сложно.

Ей когда-то выпала возможность ощутить всю силу его обаяния, направленного только на нее, и себе она готова была признаться, что ужасно скучает по тому времени. По многим причинам Денис все реже походил на себя прежнего, и в такие минуты, как эта, когда он вдруг загорался, контраст был до горечи очевиден.

Ближе к концу его выступления она из любопытства окинула аудиторию взглядом. Заинтересованность на лицах присутствующих была ожидаемой, но все-таки приятной. Лена почти отвернулась к сцене, когда что-то, мелькнувшее на периферии взгляда, заставило ее присмотреться.

В последнем ряду, там, где еще недавно пустовало одно из кресел, теперь сидела Катерина Морозова. Она слушала Дениса с бесстрастным выражением лица, однако совершенно точно слушала внимательно, не отвлекаясь, не демонстрируя несогласия или неприязни. Ни единожды не посмотрев в сторону, сохраняя полную неподвижность.

На сцене ведущий объявил следующего докладчика, Лена, старательно глядя только перед собой, скоро почувствовала, что рядом сел вернувшийся из-за кулис Денис.

— Ну как? — спросил он, не скрывая довольства в голосе.

Удивившись его внезапно хорошему настроению, она обернулась к нему. Денис и правда казался воодушевленным.

Успехом ли или присутствием Морозовой в зале?

— Еще лучше, чем в первый день, — ответила Лена искренне и сообразила на лице легкую улыбку.

— Цель такая была у меня, — с совершенно серьезным тоном Денис заговорил, подражая Магистру Йоде.

Он в самом деле был доволен. В другой день Лена посмеялась бы, зеркально отразив его скрытое веселье, но занявшие все ее внимание сомнения было не так легко развеять. Едва Денис отвлекся на завибрировавший телефон, она бросила короткий взгляд на задние ряды и почувствовала, как скованное прежде тело расслабляется.

То самое кресло вновь пустовало.

Заметил ли Денис, что Морозова присутствовала в зале во время его доклада, Лена затруднялась судить. Он не озирался по сторонам, не демонстрировал ни капли той напряженности, что буквально сочилась из него сутки назад, и на протяжении следующих нескольких часов казался полностью заинтересованным в сменяющих друг друга спикерах. Иногда, скло-

нившись к Лене, он шепотом комментировал положения докладов: чаще всего — саркастически, но, бывало, с одобрением.

Лена, сколько бы ни старалась сфокусироваться на льющихся через звуковые колонки речах, не могла уловить их сути. Она догадывалась, что на вопросы мужа отвечала крайне не попадая, но власть беспокойных рассуждений была сильнее ее попыток прийти в себя.

Поведение Морозовой было странным. Презрительная холодность не вызывала у Лены удивления или любопытства, скорее даже успокаивала; воспоминания о первой подобной встрече, случившейся больше года назад всегда уверяли ее в том, что Морозовой не нужен Денис, и в том, что он отлично об этом осведомлен. Однако сегодняшнее появление в зале лишь ради конкретного доклада тревожно не укладывалось в прежнюю схему.

Когда в позапрошлом году Дениса пригласили на шестидесятилетие одного из его бывших преподавателей и наставников — Александра Анатольевича Аверинцева, Лене уже было кое-что известно о Морозовой, но она упорно не хотела верить мелочам, ведущим к одной простой и в то же время совершенно не укладывающейся в голову правде: ее муж продолжает любить свою бывшую невесту.

Она сопротивлялась этой правде всеми силами, находила разумные объяснения, отказывалась верить предчувствиям и догадкам, ведь никакого фактического подтверждения им не существовало. Ровно до юбилея Аверинцева.

Из прошлых разговоров на профессиональную тему, где Денис не раз ронял, что без Аверинцева адвоката из него не получилось бы, всегда складывалось впечатление о крепкой, почти дружеской связи ученик—наставник. Лена недоумевала, осознав, что Денис сомневается, стоит ли им идти. Его раздраженное «Не ждал, что меня пригласят» красноречиво намекало, что отношения между ним и профессором по какой-то причине давно далеки от дружеских.

На торжественный банкет, устроенный в одном из уютных и лишенных пафоса ресторанов Москвы, Лена и Денис все-таки пришли. Гостей было неожиданно много. Именинник, о котором еще в ленины студенческие годы ходили легенды, с воодушевлением и радушием перемещаясь по залу, добросердечно приветствовал коллег, в том числе тех, что когда-то были его студентами. Заметив Дениса, Аверинцев направился к ним, и Лене сразу показалось, что улыбка профессора потеряла пару градусов теплоты, а в позе Дениса, напротив, прибавилось напряженности.

— Денис! Рад видеть!

— Александр Анатольевич. Взаимно. — Они пожали друг другу руки.

— Представишь? — Лене достался вполне дружелюбный, чуть сощуренный в якобы старческом любопытстве взгляд.

В ответ Денис резко кивнул.

— Разумеется. Познакомьтесь, моя жена Лена.

Она и профессор приветственно улыбнулись друг другу.

— Не знал, что ты успел жениться, — проговорил он. Лене почудилось, что будто бы с неверием. — Поздравляю молодых!

Денис сухо поблагодарил.

Аверинцев удалился к вновь прибывшим гостям, оставляя их вдвоем. Лена подумывала, стоит ли поинтересоваться, есть ли между Денисом и профессором конфликт или нет. Впрочем, зная своего мужа, она могла уверенно сказать, что любые вопросы обернутся напрасной тратой времени. Он никогда не афишировал мрачные или провальные стороны своей жизни.

После профессора к Денису вдруг потоком устремились бывшие однокурсники, возжелавшие поздороваться. Лена только и успевала представляться сама и слушать, как представляются другие; на краю сознания, за всеми этими поспешными приветствиями, билось удив-

ление: у Дениса, которого она знала, не было друзей и близких приятелей. Тем не менее все подошедшие к ним люди были рады встрече и не забывали попенять Денису за исчезновение с радаров в последние несколько лет.

Когда же окружающие успели немного пообщаться друг с другом, а время ожидания продолжающих прибывать гостей истекло, Лена и Денис в числе прочих направились к столу. Сначала она почувствовала, как крепче сжалась прежде расслабленно покаяющаяся на ее талии рука мужа, затем — как весь он, словно по цепной реакции, окаменел и замедлился: они все еще продолжали идти вперед, но как будто сопротивляясь невидимой стене.

Лена, ничего не понимая, повернула голову и с беспокойством посмотрела на Дениса, но он не отреагировал на ее движение, не почувствовал. Его лицо было неестественно безэмоциональным, глаза — застывшими, вперившимися в одну точку. С тревожно забившимся в груди сердцем Лена проследила за его взглядом и коротко, задушено вдохнула.

Ей хватило нескольких секунд, чтобы узнать обнимавшуюся с Аверинцевым женщину в изумрудного цвета платье, что широко улыбалась и открыто демонстрировала радость от встречи. Профессор был ответно счастлив, как бывают счастливы преподаватели только в компании превосходших их самих учениц и учеников.

Продолжая медленно приближаться к столу, Лена не могла отвести взгляда от бывшей невесты своего мужа. Сознание опустело, уловить хоть одну мысль было непосильно тяжело. Получалось просто переставлять ноги, смотреть вперед, фиксировать, но не понимать происходящее вокруг. Очень заторможенно и вяло ее, наконец, настигала правда. Вот оно, ее подтверждение.

Денис отодвинул перед Леной стул, и она с облегчением села. Ей стоило немного прийти в себя. Помимо воли, украдкой она принялась наблюдать за Денисом. Уткнувшись в телефон, он пытался — ключевое слово! — притворяться заинтересованным рабочим чатом, но непроизвольно часто поднимал глаза к противоположной стене, где еще один его одноклассник (Лена вспомнила, что на фотографиях он мелькал чаще других, словно в университете они с Денисом были друзьями) галантно помогал Морозовой занять ее место за столом.

От Лены не укрылось, как свободная от телефона ладонь Дениса, пусть на мгновение, но сжалась в кулак, когда Морозова, наконец, почувствовала, что на нее безотрывно смотрят. Ее взгляд, незаинтересованный, не столько холодный, сколько безразличный, скользнул по Денису раз или два, и больше не возвращался.

Дрожа, Лена откинулась на спинку стула и осторожно выдохнула. Она не представляла, что делать с увиденным. Не знала, как реагировать на два напрашивающихся вывода из этой короткой, достойной Чехова, полной мелких деталей, мизансцены.

Вывод первый: ее муж не забыл Катерину Морозову.

Вывод второй: Катерине Морозовой он совершенно не нужен.

[1] Здесь: *фильтр* — способ заваривания кофе, «Кения» и «Суматра» — сорта кофейных зерен.

Глава 4

После завершения форума Лена и Денис были предоставлены самим себе. В субботу они переехали в другой отель, более уединенный и близкий к морю, где и собрались встречать наступление нового года. Лена не строила особых надежд на текущие выходные, помня, что грядут еще два трудовых дня. Денис, естественно, не имел шанса выключиться из рабочего процесса, даже если бы захотел.

Она могла только наблюдать, как, открыв утром свой ноутбук в гостиной номера, он практически не поднимался из кресла до глубокого вечера. Пару раз он выходил на балкон, чтобы покурить, один раз заказал себе кофе. Про обед Лена напомнила сама, догадавшись по безостановочному стуку клавиш клавиатуры, что Денис даже не подумает о перерыве. Самоотдача, с которой он работал, завораживала льющейся из него энергией профессионализма, и одновременно пугала нездоровой, едва ли не фанатичной остервенелостью.

Они поели, перекинувшись за столом только парой слов: Денис явно был мыслями с отставленным ненадолго в сторону ноутбуком и не мог сосредоточиться на отвлеченной беседе. Лена не пыталась насильно перетянуть его внимание, зная по себе, как невовремя иногда чужое присутствие сбивает развернувшиеся в голове важные рассуждения.

После Денис вернулся к работе, она же, обосновавшись в спальне, снова взялась за начатую еще в самолете книгу, не чувствуя никакого желания куда-либо идти. Три дня форума выдались более чем насыщенными, и ей заметно требовался отдых от большого скопления людей и шума.

Поздним вечером, когда Денис, наконец, появился в дверях спальни с немного виноватым выражением на лице, Лена, закрыв книгу, улыбнулась.

— Устал?

— Немного. — Прислонившись плечом к косяку, он в задумчивости или сомнении, она затруднялась с определением, провел ладонями по заросшим щетиной шее и подбородку. — Ты чего за весь день никуда не вышла?

— Не хотелось. — Лена легко пожала плечами. — Целый день наедине с книгой — это ли не счастье? — Добавив в голос игривости, она подразнила, намекая на его рабочий выходной.

Денис усмехнулся, угадывая ее замысел.

— Что читала? — спросил он.

Лена подняла руку с книгой вверх, позволяя ему рассмотреть обложку.

— «Чтец»[1]? — в удивлении он приподнял брови. — Мрачноватое у тебя чтение под «Джингл белс».

Она расхохоталась. Как и всегда не сумев удержаться, когда он шутил с совершенно спокойным, едва ли не недоумевающим из-за ее веселья видом. Поймав ее взгляд, он улыбнулся краешком губ, пока она продолжала тихо посмеиваться. В такие мгновения Денис казался Лене беспрдельно, до замирающего в груди сердца родным. Близким. Открытым. Ее.

Прищурившись, словно раздумывая над чем-то, Денис, уверенно оттолкнувшись от дверного косяка, пересек комнату и сел рядом с ней на кровать. Лена почувствовала, как под его весом прогнулся матрас, как постепенно на вдохе в легкие проник знакомый, всегда бывший в голову запах его парфюма, как кожа, будто под действием его притяжения, потеплела от острого желания приблизиться, получить прикосновение и прикоснуться самой.

Они не отпускали взгляды друг друга, но у Лены не получалось разобрать, что она видит в любимых, чуть покрасневших от долгой работы за ноутбуком глазах. Ей казалось, что за явным на поверхности расширившихся зрачков желанием скрывается что-то еще: сложное и запутанное, — так странно, будто в поиске чего-то ею неведанного, Денис смотрел.

Едва он начал наклоняться к ее лицу, она сама потянулась вперед и прижилась губами к его, заглушая в себе и, быть может в нем тоже, тянущий, щемящий неуют в душе. Денис, прервавшийся только на несколько секунд, чтобы, обхватив ее руками за бедра, притянуть ближе к собственному телу, попутно полностью забрался на кровать. Синхронно они вернулись к поцелую, что длился и длился, превращаясь из ласкового, будто бы забирающего усталость, в горячий и жадный.

Дрожа, Лена уселась на колени к откинувшемуся спиной на изголовье кровати Денису, и медленно провела руками по его груди, пальцами пересчитывая пуговицы рубашки, останавливаясь в своем путешествии у пояса брюк. Вдвоем они тяжело и громко дышали, под ее скользящими вверх и вниз ладонями перекачивались мышцы и раздавалось частое биение сердца.

Выпрямившись, Денис вжался в нее сильнее, заставляя съехать по его бедрам впрыток к его животу и паху, позволяя Лене не только видеть, но и чувствовать, насколько он ее хочет; хриплый, томный выдох они разделили на двоих.

Его поцелуи теперь спускались от ее губ ниже по щеке, следовали дальше по выступу подбородка и задерживались в самых нежных местах на шее. Кожу царапала его щетина, но в сочетание с жаром в теле и искрами удовольствия и радости оттого, что ее муж здесь и сейчас, наконец, с ней, чуть осязаемое покалывание лишь добавляло красок.

Забравшись руками под ее футболку, он рисовал круги у нее на спине, пока она пыталась расстегнуть пуговицы на его рубашке. Лене, конечно, справилась быстро, давно привыкнув к тому, что Денис в любое время суток и года приходилось высвобождать из офисной одежды, а не мягкой, ничему не препятствующей пижамы. Избавившись от рубашки и с удовольствием проведя едва-едва прижимающимися к коже кончиками пальцев по его груди к пряжке ремня, она была вдруг остановлена. Был ее черед раздеваться.

Денис в один миг стянул с Лены футболку и быстро впечатал в себя, награждая коротким влажным поцелуем в губы. Тогда же на кровать слетели домашние шорты вместе с бельем. Полностью обнаженная, она наблюдала, как, поднявшись с кровати, Денис, не сводя с нее глаз, расстегивает ремень и ширинку и снимает брюки.

В том, как зачастую он, пусть ненадолго, но в отличие от нее еще оставался одетым — и одетым, согласно строгому классическому стилю, — было что-то неопишимо сексуальное. Возможно, причина заключалась в том, что уверенный и успешный, забаррикадировавшийся за деловым костюмом адвокат исчезал и превращался в обычного мужчину, но только наедине, рядом с ней, — и эксклюзивность этого знания будоражила.

Вернувшись в постель, Денис явно намеревался продолжить в том же, не слишком быстром темпе. Одна его рука легла ей на грудь, чуть сжав, пальцы другой, спустившись по ее груди и животу, нашли на клитор и, надавив, вынуждая ее вздрогнуть, скользнули ниже, по влажной от выделившейся смазки коже, но Лене хотелось другого.

Ей хотелось его. Полностью и без лишних минут ожидания.

Она ждала дольше, чем он скорее всего предполагал. Замирала от слабости в ногах при взгляде на него в каждый их этих четырех дней, проведенных рядом. Она просыпалась утром, обнимая его, и горела, не получив тех прикосновений, о которых мечтала, вместо того улавливая в нем отстраненность и замкнутость: смотреть было можно, трогать — нельзя. Он понятия не имел, какой недостаток его — присутствия, чувств, близости — в ней зиял.

Толкнув Дениса спиной на кровать, она забралась сверху, с упоением следя за тем, как на его лице восхищение и страсть смешиваются с легким удивлением — она редко проявляла такую властность, особенно в самом начале, предпочитая в сексе отдавать ему руководство и инициативу.

С его первым проникновением у нее вырвался тихий, протяжный стон. Она двигалась, поймав его ритм, оперевшись руками ему в грудь, чувствуя, как бедра сначала нежно и легко, а потом все крепче сжимают его руки, впечатывая ее тело в его.

Она ловила его хриплые вдохи, наклонялась и целовала, прикасалась губами к каждому кусочку кожи, который был ей доступен, проникалась каждым его движением, терялась вместе с ним в нарастающем возбуждении и затем — удовольствии, но никогда не закрывала глаза. Поймав его взгляд, она больше его не отпускала.

«Ты здесь, — шептала она про себя, как заколдованная, убедившись, что Денис и не думает отвести глаза в сторону, — и ты со мной».

Перевернувшись, подмяв ее под себя, он задвигался быстрее и сильнее, и она еще крепче прижималась к нему, гладила руками его плечи, шею, волосы. Целовала, задышалась и выгибалась под ним, мечтая в эти мгновения полной потери себя передать ему хотя бы толику тех переполняющих, рвущихся из ее нутра чувств, посеять их в нем. Прорасти в нем.

[1] Роман немецкого писателя Б. Шлинка.

Глава 5

Закрыв за собой дверь квартиры, Лена зажгла в прихожей свет и устало наклонилась, чтобы разуться, затем медленно стянула с плеч и убрала в шкаф пальто, подхватила с пуфика пакет с полученным сегодня от Лары подарком. Их разговор разворошил едва улегшиеся внутри нее тревоги.

В полутемной гостиной Лена, опустившись на диван, какое-то время сидела, прислушиваясь к тихой, одинокой тишине. Отсутствие Дениса в квартире всегда было физически ощутимым, пусть и изо дня в день он проводил в пределах дома намного меньше времени, чем в офисе или любом из московских — и не только — судов.

Вчерашним вечером они вернулись в Москву, и уже утром он улетел на какую-то важную встречу с коллегами из Красноярска и собирался вернуться через день, чтобы сразу из аэропорта поехать в офис. Обычное решение для темпа его рабочих будней, но тем не менее Лена чувствовала себя потерянной. Она не успела привыкнуть к смене атмосферы.

Удивительно, но всю неделю после форума, что они провели вдвоем, Денис действительно крайне редко отвлекался на дела. Он оказался так явно настроен отдохнуть и побыть с Леной, что она не могла не засомневаться в том, что энтузиазм был немного чрезмерным, однако неискренности в нем она не нашла. Устав гадать о его возможных мотивациях, Лена решила расслабиться и поддержать его намерения, о чем ни разу пока не пожалела.

В течение дня они успевали погулять, сходить на одно из праздничных мероприятий, полюбоваться на море, по вечерам, если программе отеля не удавалось их завлечь, они валялись в гостиной перед огромной плазмой и смотрели самые хитовые сериалы ушедшего года. Лена и сама не заметила, в какой из дней полностью расслабилась, забыв о запутывающих в тревоге мыслях. Она засыпала и просыпалась рядом с мужем, и он по-настоящему, целиком и полностью, в эти дни был ее.

Лена очень надеялась, что не ошибается и находит надежду там, где она и правда есть. Однако иногда, в редкие мгновения, она заходила в комнату и успевала уловить, как не слышавший ее шагов Денис опустевшим, застылым взглядом смотрит в одну точку, словно ничего не видит ни перед собой, ни в том, что в эти секунды занимало его сознание.

Пугающий, лишенный жизни взгляд был Лене знаком, но она думала, что та пора из прошлого осталась позади, что Денис давно пришел в себя. Конечно, едва осознав ее присутствие в комнате, он улыбался и вовлекал ее в разговор, как ни в чем не бывало, но беспокойство уже поселилось в ней и не забывало напоминать о себе.

Пусть Лене и казалось при здравом размышлении, что поводы для паники не выдерживают критики, она все-таки присматривалась к Денису внимательнее прежнего. Память яркими и непрошенными всполохами в сознании выбрасывала одни из самых мрачных и болезненных мгновений их брака, разжигая прежний страх.

Они были женаты чуть меньше года, когда одним из вечеров Денис, пока они, что для тех дней еще было в порядке вещей, ужинали и попутно смотрели кино (в тот вечер ей наконец удалось договориться на ее любимый фильм «Знакомьтесь, Джо Блэк»), со вздохом нехотя ответил на очередной звонок.

Повернувшись, Лена с наигранным недовольством выразительно смотрела, как он здоровается, с чем-то соглашается и вдруг застывает, с нечитаемым выражением лица слушая, что ему говорят. У Лены тогда неожиданно заболело в груди. Не двигаясь, все так же смотря на него, она наблюдала, как изламываются в осознании черты его лица, как нервно начинает дергаться щека, пока он сам ровным голосом спрашивал, куда ему приехать для опознания.

После завершения разговора Денис, поднявшись, дернулся на месте, словно не зная, в какую сторону идти. Не поворачиваясь к Лене, совершенно безжизненным голосом с трудом произнес: «Родители разбились. Только что. Насмерть», — ничего более не добавляя.

Он не звал, но она поехала в его родной город в Подмоскowie вместе с ним. Просто побоялась отпускать его в одиночку. Попыталась предложить такси, но по окаменевшим плечам поняла, что Денис сейчас не способен принять ни заботы, ни сочувствия. В дальнейшем, впрочем, лучше не стало.

Он сделал все, что требовалось от потерявшего родителей сына. Явился на опознание, устроил похороны и поминки, выслушал причитания родственников, помог пострадавшим в другой машине, когда выяснилось, что авария произошла по вине его погибшего отца. Он сделал все, но не позволял себе горевать.

Лена давно уже подозревала, что отношения с родителями у Дениса были далеки от идеальных. Он словно избегал излишнего общения с ними: звонил нечасто и без желания, приезжал еще реже, хотя его были рады видеть и ждали. Приятными людьми свекра и свекровь Лена не считала, но сомнений в том, что они Дениса любят, не имела. Она не была уверена, но склонялась к тому, что сам он за что-то не может их простить.

После похорон Денис постепенно становился все более закрытым и отстраненным. Он много о чем-то думал, не сразу реагируя, когда она окликала его. Его мрачность и погруженность в себя прогрессировали месяцами, приводя Лену в ужас. Тот Денис, которого она знала: полный энергии и жизнелюбия, — исчез, превратившись в незнакомца.

Взгляд, лишь отголосок которого она заприметила недавно, в те дни был намного, намного страшнее. С пробегающим по внутренностям холодком страха она наблюдала, как пустыми глазами человека, что не понимает, зачем он вообще живет, Денис озирался по сторонам, даже на секунду не останавливаясь на ней. Не замечая ее.

Какие бы размышления тогда ни повлекла за собой смерть его родителей, Лена не хотела их возвращения. Как и возвращения той версии Дениса, что была намного ближе к грани, чем нынешняя.

Лена резко поднялась с дивана, где просидела по меньшей мере около получаса, утонув в мрачных воспоминаниях о прошлом, и медленно поплелась в душ, не силах остановить захватившие ее сознание мысли.

Те жуткие полгода выдались нелегкими не только для Дениса, но и для нее самой. Все вокруг них переменялось, когда его родители погибли. Будто тогда был вдруг убран защитный купол, и спокойный, непритворный мирок их молодой семьи оказался отдан на волю обстоятельств и испытаний.

Их отношения, брак, чувства вдруг проявились в ином свете. Сам Денис изменился так сильно, что Лена затруднялась судить, каким он был по своей сути. Она хотела понять, разобраться в том, что происходит с ним, но пробиться сквозь его шуточные увертки, отвлекающие вопросы, умело сменяемые темы для разговоров, было невозможно.

Ей не сразу удалось понять и принять, что прежде он лишь создавал иллюзию интимной близости, в которой предполагались доверие и открытость друг перед другом, возможность заглянуть в самые укромно-темные и болезненные уголки души партнера. Денис отгораживался этой иллюзией. Не только и не столько даже от нее. В первую очередь — от самого себя.

Лена была так молода и так безоглядно влюблена, что не сумела увидеть в нем закрытости, застарелой, запятой в далеких глубинах его личности тайны. Она не осторожничала, не искала подвоха, не предполагала, что в любви стоит защищаться наперед, что любви стоит остерегаться. Она не знала, что перед тем, как распахнуть перед кем-то сердце, неплохо бы проверить, что этот кто-то не покрыт невидимой броней с головы до ног.

С первой встречи с Денисом она чувствовала себя подхваченной вихрем. Обаятельным, притягательным, полностью сфокусированным на ней одной. Ни один ее ровесник не мог выдержать сравнения с ним. Денис оказался единственным мужчиной в ее жизни, вызвавшим у нее подлинное восхищение.

Его ум завораживал. Его уверенность в себе околдовывала. О нем нельзя было просто забыть, особенно когда он явно решил ни в коем случае подобного не допускать. Быть может, ей и стоило тогда для собственного блага вспомнить, что в вихре, по приданию, до смерти кружит леший.

Все подружки Лены были в восторге от Дениса, кроме Лары. Всегда рассудительной и настороженной, не терявшей головы, во всем видящей угрозу. Ее смущала разница в возрасте, в статусе и в жизненном опыте.

Она не верила, что Лена в свои неполные двадцать четыре года может быть в полной эмоциональной безопасности с почти тридцатилетним мужчиной, и считала риск неоправданно высоким. Однако пока Лара искала и не находила знамения провала, Лена лишь качала головой. Она не знала, как объяснить, что любовь всегда требует риска, и она готова на этот риск пойти.

С Денисом они поженились спустя полгода после знакомства, и Лена, несмотря на просьбы Лары быть разумнее, ни разу не усомнилась в принятом решении. Она любила Дениса, он любил ее (или ей тогда так казалось, теперь сложно было сказать наверняка). Они были счастливы спокойным, практически безмятежным счастьем. До поры.

Действительно ли Лена была так слепа, что не заметила в Денисе того, что столь отчетливо видела теперь? Или дело было в том, что в лишенной серьезных проблем нирване, длившейся до рокового вечернего звонка, им обоим легко верилось в светлое будущее?

Она много времени провела, стараясь узнать его. Любовь, плескавшаяся во всем ее теле, словно научила ее чувствовать Дениса, минуя мысли и слова, научила понимать его на совершенно ином уровне существования. Невыразимом даже для нее самой.

Она знала, что он глубоко несчастлив. Ей не требовалось его словесного подтверждения, чтобы догадаться, что со своей болью, о чем или ком бы она ни была, он не справляется. С каждым днем Лена лишь сильнее сомневалась, что причина только в Катерине. Жизнь Дениса в целом была похожа на беспроглядную пустоту. Кроме Лены, рядом с ним по неведомой ей причине не осталось никого.

Сегодняшняя беседа с Ларой вновь пронеслась у нее в голове, вынуждая подвергнуть сомнению сделанный однажды выбор. Лена вздохнула. Раздражение, вызванное невозможностью высказать, выразить все свои переживания не то что в разговоре с подружкой, но даже в мысленном диалоге с собой, было выматывающим и лишающим уверенности.

Разумеется, Лара, едва услышав про появление Катерины Морозовой в Сочи, пусть и единожды, но озвучила свое непонимание отказу Лены даже думать о разводе. В ее мировоззрении оставаться рядом с тем, кто не любит тебя, было неправильно и мучительно. Лена же не представляла, как объяснить свою мотивацию Ларе, что контролировала каждый мускул, нерв, мысль и эмоцию, до паники опасаясь любого намека на любовь.

Как Лена могла доказать, что развод с Денисом не сделает ее счастливее? Что проблема вовсе не в том, что она лишится шанса быть рядом с ним. И даже не в том, что ее любовь не взаимна. Она была способна принять и расставание, и безответность чувств. Она давно не ждала, что он полюбит ее в ответ, и никогда не тешила себя надеждой, что заработает дополнительные очки, если постарается быть идеальной женой.

С тех пор, как она узнала и примирилась с правдой, выбор перед ней был прост и не отличался разнообразием: принять чувства Дениса к другой и остаться с ним или не принять и уйти. Третий опции не существовало.

Откровенная беседа с уведомлением о ее осведомленности была исключена из возможных вариантов уже давно. Лена знала Дениса достаточно для одной простой догадки: едва он поймет, что его чувства перестали быть секретом, он уйдет сам. Брак, в котором обе стороны отлично осведомлены о не взаимности супружеской любви, не жизнеспособен, если только не был заключен по расчету.

Любовь Дениса к другой являлась фактом, с которым ни Лена, ни даже он ничего не в силах поделаться. Нельзя просто сказать: «Не люби другую», — и подождать, пока он волевым усилием успешно переломает себе сердце.

Можно вынести на обсуждение многое, столь же многое можно решить, простить, запретить, заключить в соглашение, но чувства, над которыми ни у кого из людей не было контроля, не получится просто выключить в ходе компромисса.

Она все это прекрасно знала и сделала свой выбор с полным осознанием обстоятельств.

Лена была уверена, что способна полноценно жить без Дениса, но только при условии, что он счастлив, что он в порядке. Оставить же его в одиночестве, зная, что ему плохо, — это было невозможно. Неправильно, подло, не осуществимо. Так не поступают с теми, кого любят, даже если любовь не взаимна, иначе это не любовь, а нечто куда более приземленное и простое.

Любовь, подлинная любовь, была в первую очередь не о взаимности и не о необходимости быть рядом — и то и другое скорее принадлежало к эгоистичным устремлениям к счастью, в особенно же запущенных случаях было проявлением зависимости от другого, но не самой любовью. Любовь, как ни банально, была о другом, и заключалась в потребности знать, что у того, кого любишь, все по-настоящему хорошо.

Лена могла принять Дениса, что был бы счастлив без нее. Она была готова оставить его, если бы так было лучше. Она могла жить без него, пусть и вряд ли забыла бы: она сомневалась, что настоящая любовь проходит. Трансформируется, меняется в оттенках, может быть, но остается навсегда.

Жизнь, даже без Дениса рядом, была интересна сама по себе, разнообразная и непредсказуемая, и предлагала множество путей для тех, кому не повезло в любви. Но быть спокойной, радоваться и наслаждаться каждым днем Лена могла только будучи уверенной, что все, о ком у нее болит сердце, счастливы.

Она боялась, что Денис рухнет в бездну, едва останется наедине с собой.

Глава 6

Накопленная за день усталость тяжела на плечах, придавливая его к земле. Потребность остаться в одиночестве, поработать в тишине опустевшего офиса, без необходимости отвечать на вопросы доверителей или запутавшихся в поручениях помощников, была сильна, но он не мог пустить ситуацию на самотек. Склонив голову, Денис с внушением посмотрел на сидевшую в кресле напротив женщину, не желавшую его слушать.

— Лара, — сказал он спокойно, надеясь пробудить хотя бы каплю инстинкта самосохранения в своей сотруднице. Он ее босс в конце концов, могла бы и внять. — Ты видела, кто там в истцах. Аккуратно надо.

Конечно, она и не думала проникнуться его предостережениями: уверенная поза, горящие вызовом глаза, равнодушное выражение лица, — она предсказуемо ошетичилась, едва ей показалось, что он ставит ее самостоятельность под сомнение.

Денис подавил желание с раздражением громко выдохнуть и, может быть, даже наорать. Упрямство и гордость, такие узнаваемые и отсылающие в прошлое, не уместные, не нужные здесь совершенно, бесили.

Ларе дело дороже жизни, он другого и не ждал. Он сам таким был, но глупое безрассудство там, где можно продумать шаги наперед и избежать опасности, никому еще не приносило пользы.

Кто бы только его слушал. Он был прекрасно осведомлен, что геройствовать всегда интереснее. Таким, как Лара, точно.

— А я неаккуратно? — Она вздернула голову, всячески демонстрируя свое недовольство.

Ни истории о прошлых разбирательствах, где истец по их новоявленному процессу уже успел отличиться, угрожая своим оппонентам, ни факт тяжелых физических увечий, нанесенных неизвестными хулиганами (классика жанра) одному из адвокатов, представлявших неуютную их нынешнему истцу сторону, не оказали на нее должного влияния. Информация, призванная вразумить и даже немного напугать, лишь раззадорила ее и без того более чем обостренное чувство справедливости.

Предсказуемо и знакомо до неуютной тяжести в груди.

— А ты, — ответил Денис после недолго молчания, все еще смотря на Лару, но перед глазами у него стояло совсем другое, принадлежавшее кому-то из его давнего прошлого лицо, — бесстрашная. И это очень, очень плохо.

Беседа между ними продлилась еще несколько минут, но не принесла результата. Лара покинула кабинет в раздражении, ясно дав Денису понять, что доверитель пришел к ним не через фирму, а через правозащитную организацию, где они были равны по статусу, и командовать ей не получится.

Денис, нахмурившись, попытался не обращать внимания на закопошившееся внутри беспокойство. Ответственность, которую он чувствовал за своих сотрудников всегда, сейчас осложнялась тем, что Лара Белых — своенравная, не принимающая ничьей помощи, чересчур самостоятельная особа — была среди прочего лучшей подругой его жены.

В обстоятельствах, находившихся под его контролем, он обязан был не допустить никакого ущерба близким Лены. Особенно в этот раз. Без него Лара бы в такое крупное судилище (он заранее знал, что на суд — справедливый и достойный — этот процесс будет походить в последнюю очередь) в качестве адвоката могла и не попасть.

Ответчик выбрал Дениса своим представителем далеко не просто так. Благоразумный расчет, где полагались и на его имя, и на репутацию, и на связи. Ставка на адвоката попроще стала бы явным самоубийством.

Разбирательство было крупным, с уймой подводных камней и течений из интересов разных структур, положение ответчика было крайне невыгодным: сторона обвинения была на стороне истца настолько, насколько только возможно. Маловероятно, что все разборки пройдут в пределах зала заседаний. Очень маловероятно.

Денис был уверен, что к нему со стороны истца полезут в последнюю очередь: слишком уж велик риск. А к Ларе подступиться намного проще. Ему оставалось только надеяться, что к его словам она хотя бы отчасти прислушается. Тем более что он не преминет коварно пожаловаться Лене. Пусть его жена сама контролирует свою безбашенную подружку, раз уж его мнение той неинтересно.

Откинувшись на спинку кресла, Денис потер закрытые глаза в попытке унять давящую боль в центральной части лба и в надбровных дугах. Несмотря на близящуюся полночь, его внимания ожидала бездна работы. Мысленно он прикинул план на ближайшие несколько часов, затем поднялся и вышел из кабинета, собираясь сделать себе кофе. Не то чтобы ему на самом деле требовалось взбодриться — бессонница его давний друг, — просто ритуал, заставляющий мозг сосредоточиться.

Под оглушительное для опустевших коридоров и кабинетов гудение кофемашины Денис старался думать лишь о недописанном иске, но мысли сбивались, уводили его за собой с безопасных тропинок настоящего в темную чащу прошлого, противиться силе которого ему удавалось не так часто, как хотелось бы. Сегодняшний разговор был неизбежным триггером для его воспоминаний.

Иногда Лара так сильно напоминала Денису... кое-кого. Бесстрашием, упрямством, стремлением вопреки всем препятствиям добиться справедливости, готовностью пожертвовать собой. Воинственная защитница истинного правосудия, носительница самых важных для их профессии идеалов. Суть и ценность которых сам он когда-то понял только благодаря своему бывшему наставнику и...

Лара была очень похожа на... И в то же время совершенно не похожа. Слишком рациональная. Слишком холодная.

Катя... Катя была другой.

Солнечная девочка. Теплая, яркая, открытая. Для тех, кто был ей близок, для тех, кому повезло ее узнать.

Денис сжал переносицу и потряс головой, отказываясь погружаться дальше. Хватит. Он не может тонуть вечно. Не может.

Резко подхватив кружку с платформы, он направился обратно, не чувствуя, как нагретая керамика обжигает пальцы. В кабинете он сразу же опустился за заваленный бумагами стол, попутно делая первый глоток кофе и отвлекаясь на опалившую язык горечь.

Вытащив из стопки рядом с собой нужный документ, Денис обернулся к монитору, отыскал в открытом на сайте законе нужную ему статью. За спиной отчетливо тикали часы. Он бросил взгляд на нижний правый угол рабочего стола и заторможенно проследил как с наступлением полуночи переменилась дата. Двадцать девятое марта.

Он вернулся к документу перед собой. Читая одно предложение за другим, Денис старательно отвлекал себя от ударившего под дых осознания, что ровно пять лет назад в этот день они с Катей должны были пожениться.

Глава 7

Отвлечься работой от мыслей о той, что во многом повлияла на его выбор профессии, оказалось трудновыполнимой задачей. Чем упорнее Денис пытался не вспоминать, тем чаще перед глазами вставали не строчки из документа, который он отчаянно продолжал читать, а прошлое. Такое... иное, лишенное сходства с его настоящей жизнью. Он и сам был другим человеком: у юного Дениса нашлось бы очень мало общего с Денисом нынешним.

Семнадцатилетний, только что окончивший школу, он представлял из себя типичного разгильдяя, беспечного и самоуверенного. Обаятельный, красивый, не знающий потребности в деньгах. Популярный и в школе, и во дворе, он вообще ни о чем в своей жизни не беспокоился.

Родители много времени проводили на работе, и контроль за его учебным и внеурочным существованием был минимальным; большую часть своего подросткового возраста Денис оставался предоставлен сам себе, что любого его сверстника привело бы в восторг. Денис исключением не являлся.

Его вполне устраивало, что к нему не лезут с нравоучениями и неуместным сюсюканьем. Все, что требовалось, дабы не вызывать у родителей излишнего интереса к своей веселой и беззаботной жизни: не попадать в переделки и обходиться без «троек» в дневнике, — он выполнял добровольно, не желая себе ненужных проблем.

Учеба давалась ему легко; тупицей, читающей по слогам в выпускном классе, он становиться не собирался. С одноклассниками Денис дружил, школьные учителя в массе своей его обожали: не сдал домашку вовремя? Достаточно назвать день, когда тетрадь точно появится на учительском столе, улыбнуться да пошутить, — и готово. Слово свое он держал, улыбался как голливудская звезда, шутил не хуже. Ему все сходило с рук.

Без особого напряжения Денис успевал закрыть четверть, скататься на соревнования с футбольной командой и потусоваться с пацанами постарше во дворе. Девчонки тоже его любили: спортсмен, более чем просто симпатичный, с гитарой в руках на всех коллективных подростковых сборищах, он не имел недостатка в компании.

Сам он велся обычно на внешность и не то чтобы искал каких-то привязанностей: ни трепета, ни романтической ерунды в голове, — весь его интерес в то время лежал чисто в физиологической плоскости. Очередное любовное приключение длились месяца два-три и заканчивалось с переменным успехом: оценивал Денис, разумеется, в соответствии с уровнем доступа к телу.

На последнем звонке он не принадлежал ни к тем, кто, рыдая, не хотел расставаться со школой; ни к тем, кто от нетерпения не мог усидеть последние тридцать минут за партой. Впереди его ждал новый этап жизни, с еще большей свободой и самостоятельностью. Не было сожалений, не было грусти: многочисленных приятелей оказалось очень легко оставить позади.

Денис понятия не имел, чем хочет заниматься в будущем. В профессиональные футболисты он не тянул, а умозрительно потрудиться над иными идеями он так и не сподобился. Знание о том, какую карьеру готовят ему родители лишило его самых минимальных опасений за будущее благосостояние. Мать занимала довольно высокую должность в прокуратуре, отец был председателем коллегии по гражданским делам в областном суде — Дениса заблаговременно ждало нагретое местечко с хорошей зарплатой и непыльными обязанностями.

Когда его отправили на юрфак МГУ, Денис не увидел причин противиться: где-то же надо было учиться. Поступление ему лично не стоило особых хлопот. Полученные им результаты вступительных испытаний оказались вполне приличными, но до бюджета он, естественно, не дотянул. Не старался даже.

Он знал, что финансовые возможности его родителей позволяют ему получать обучение на коммерческой основе. Даже на самом престижном юрфаке страны, где стоимость одного

семестра у многих вызывала приступы удушья. О том, каким образом его родители достигли столь высокого уровня доходов, Денис, конечно, догадывался, но моральная сторона дела в те времена его заботила мало.

Студенческая жизнь со всеми ее преимуществами увлекла его сразу же. Переезд в Москву, где можно было найти все что угодно: любые занятия, развлечения, люди. Абсолютная воля от оставшихся в родном городе предков. Своя, пусть и съемная, квартира. Денис ловил кайф от перемен. Ему определенно нравилось быть взрослым.

В университете он попал к ботанам: олимпиадники, отличники, перфекционисты, зацикленные на оценках, — основа его семинарской группы. На потоке, к счастью, ситуация выправлялась в лучшую сторону, и компанию вокруг себя Денис собрал, не забывая также поддерживать с наиболее социализированными одноклассниками приятельство.

В целом, на юрфаке мало кто по-настоящему надеялся на что-то большее, чем близкое знакомство. Все в первую очередь думали о себе, альтруизм не пользовался популярностью. Денис не жаловался: понятный принцип взаимовыгодного общения его устраивал и помогал не торчать в библиотеке безвылазно.

Предметы первого курса касались общих знаний, и не вызывали у него, привыкшего еще в школе тянуть с заданиями до последнего, сильных затруднений. Год пролетел быстро, запомнившись Денису главным образом внеучебной деятельностью: он снова играл в футбол уже в университетской сборной, не пропускал ни одной приличной тусовки и время от времени посещал пары.

На втором курсе, когда их программа почти целиком и полностью сосредоточилась на отраслях права и других специальных дисциплинах, учиться внезапно стало намного сложнее. Денис знал, что отец ждет от него интереса к гражданской отрасли, и целый семестр уделял основное внимание ей, но скука начала сводить его с ума. Гражданский кодекс — пухлая книжечка, исписанная мельчайшим шрифтом, — раздражал его уже одной обложкой.

Чуть с большим интересом Денис ходил на пары по уголовному праву, но не прилагал там никаких усилий — незачем было. Прокуратуру как место работы (пардон, службы!) он всерьез не рассматривал. Лучше уж судьей. Об иных вариантах всерьез он не размышлял. Иногда брался гипотетически прикидывать, кем еще он мог бы работать в юридической сфере, но все его представления были слишком туманны и крайне неинформативны, поэтому начинались и заканчивались на составлении списка профессий.

Занятия вызывали все меньше энтузиазма, и Денис таскался на пары только из страха очутиться в рядах слабаков, не удержавшихся в обойме главного юрфака страны, — его гордость не пережила бы подобного провала. Дни шли, футбол, тусовки и девушки справлялись со своей главной функцией — отвлекали Дениса от мыслей о будущем, но те становились все настырнее.

Преподаватели вовсю ориентировали студентов на скорейший выбор специализации, постоянно упоминали, какие навыки больше потребуются судье, адвокату, прокурору, нотариусу, следователю и т.д., и каждый раз вовремя подобных речей Денис начинал чувствовать пока еще слабый дискомфорт: ответы на прозвучавшие в аудиториях вопросы, казалось, были у всех его одноклассников. У него самого ответов, кроме предложенных отцом и матерью, не находилось.

В период зимней сессии второго курса Денис, замученный бесконечными экзаменами (выучить за ночь сто двадцать билетов — явный повод собой гордиться), закрывая зачетку на выходе из очередной аудитории все чаще задавался вопросом: что он здесь забыл?

Зачем зубрит по сто с лишним страниц печатного текста, зачем учит термины, читает законы, пленумы и обзоры? Какой толк в том, что он делает? Ради чего он тратит свое время, когда мог провести его намного веселее, без затекшей от многочасового страдания над книгами шеи и воспаленных глаз?

В начале первого курса не было преподавателя, которой на приветственном семинаре не спросил бы студентов, почему они выбрали именно юрфак. Все отвечали в разной манере: одни уверенно, другие с каплей сомнения в голосе: то серьезно, то шутливо, будто опасались случайно ввергнуть себя в экзистенциальный кризис.

Причины были разные. От наивных, идеалистических «хочу помогать людям» до практичных и приземленных, вроде «после юрфака можно работать где угодно, не пропаду» и инфантильно-индифферентных «родители сказали, что это образование — лучшее».

Преподаватели, конечно, улыбались про себя дезориентированности молодняка и обещали, что ко второму—третьему году обучения их ответы изменятся. Тогда, в начале Денис всегда заявлял, что хочет стать судьей, не задумываясь, насколько это правда. Он *собирался* стать судьей, но хотел ли? Чем больше он размышлял о своей будущей карьере, тем более ослабевала его уверенность.

Каким судьей окажется он сам? Неподкупным, стоящим на страже закона, готовым ради правого дела рискнуть жизнью, если придется? Но зачем? Что такого важного он сделает, если будет соблюдать правила? Что это изменит, когда система уже годами работает так, как работает?

Или он будет таким, как отец? Подстраивающимся под окружающие его условия? Прогигающимся под них, чтобы не создавать себе лишних проблем? Не идущим ни на один принцип, кроме принципа личной выгоды?

Хотел ли Денис потратить жизнь на лавирование в гуще противоположных интересов? Пока в университете им постоянно говорили, что судья — гарантия правосудия, Денис понимал, что слова расходятся с практикой, и диссонанс в нем рос изо дня в день.

Он не чувствовал, что нашел свое место, но не представлял, где еще мог бы находиться. Вопреки появлявшейся время от времени потребности уйти, избавиться от проблемы кардинальным способом, он испытывал желание остаться. Интерес. Страх опустить возможность узнать о юриспруденции больше.

Растерянный и колеблющийся, Денис начал второй семестр в не лучшем состоянии духа. Он не любил дилемм и сложностей выбора, но умудрился озадачить себя и тем, и другим. Сидя за партой, решая вновь и вновь задачи то по гражданскому, то по уголовному праву (трудовое, налоговое и т.п. Денис обычно игнорировал, потому что ничего скучнее и зануднее в жизни не встречал), он не мог отделаться от ощущения бесполезности этих занятий и не ждал, как бывало раньше, ничего другого и от новых дисциплин.

Его одноклассники в большинстве своем с восторгом обсуждали два грядущих курса: по профессиональным навыкам юриста и по профессиональной этике. Оба с самым настоящим практикующим адвокатом. Все преподаватели, с которыми они прежде имели дело: почетные профессора, именитые теоретики помоложе, начинающие специалисты — либо уже покинули поле битвы, либо ничем особым не отличились, поэтому возможность наконец учиться у практика воспринималась студентами как прогулка к источнику истины. Тем не менее Денис даже не сподобился узнать, чем этот Аверинцев А. А. заслужил всеобщее благоговение.

Глава 8

Первое же занятие по профессиональным навыкам оказалось настолько не похожим на предыдущие полтора года учебы, что далеко не все одноклассники Дениса смогли принять подход Аверинцева к образовательному процессу. Александр Анатольевич категорически не хотел, чтобы они зубрили параграфы из учебников. Он вообще очень настойчиво рекомендовал в учебники не заглядывать. По его предмету тем более. На свои вопросы он требовал осмысленные ответы, а не пересказ чужих, зачастую ошибочных или неполных суждений.

Он учил своих студентов думать. Ковырялся в их мозгах, демонстрировал, как несовершенно их мышление, как много они упускают из-под собственного носа, как значима для юриста любая мелочь. Он учил их мыслить по-особенному: с критической дотошностью, с хирургической точностью, с операционной стерильностью по отношению к эмоциям и предрассудкам. Он перекраивал их обывательское сознание на профессиональный лад.

Денис с интересом наблюдал, как его привыкшие к схеме «выучил учебник — пересказал преподавателю — получил “отлично”» одноклассники то и дело на парах Аверинцева впадают в легкий ступор. Здесь фотографическая память и смиренное упорство приносили меньше пользы, чем по-особенному работающая голова и какой-то, наверное, инстинкт. Предрасположенность к определенному образу мышления. Способность все ставить под вопрос.

На пары Аверинцева Денис готов был явиться в любом состоянии: похмелье, ночь без сна, температура, — все равно. Любопытство всегда одерживало верх над сонливостью, усталостью и ленью. Он обнаружил, что ему поставленные Аверинцевым задачи поддаются. Он всегда без лишних объяснений понимал, в чем зерно проблемы.

Он не стал внезапно лучшим студентом на курсе, но впервые попал в ряды тех, кого преподаватель отмечал как очень способных. Если на семинарах, требующих зубрежки, Денис не находил никакой ценности в похвале (он тоже мог все выучить, но не видел в этом ни капли смысла), то на парах Аверинцева, где они сталкивались со сложными, действительно проблемными аспектами их будущей профессии и пытались самостоятельно их разрешить, похвала имела вес. Она была заслуженной, потому что нельзя было открыть учебник или кодекс и найти готовый ответ. Ответ требовалось изобрести самостоятельно. Пользуясь только своей головой.

Тогда же Денис впервые заметил Катерину Морозову. Она как раз была лучшей. Справлялась раньше всех. Умудрялась разобраться там, где вся группа стонала и просила Александра Анатольевича хотя бы намекнуть. Блистала, когда они устраивали тренировочные заседания по предложенным кейсам, умея выстроить свою позицию наиболее выигрышно, независимо от того, какую сторону процесса ей выпало представлять.

Разумеется, Денис и прежде знал о существовании Катерины, но она не представляла для него интереса. В первые дни учебы, когда он в пределах своей головы рассортировывал своих одноклассниц и одноклассников по маркированным секциям, она угодила в особую: «Можно даже не пытаться».

Значило это следующее:

- 1) слишком красивая;
- 2) слишком умная;
- 3) слишком высокомерная;
- 4) на подкаты не поведется;
- 5) ему не по зубам;
- 6) не стоит тратить время на заведомо безнадежное мероприятие.

Следующие полтора года учебы Денис обращал на Катерину внимание лишь время от времени, бессознательно отмечая про себя какие-то детали о ее личности, но никогда не думая о ней всерьез. Они едва ли пересекались друг с другом за пределами аудиторий.

Самым близким их взаимодействием стал групповой проект на первом курсе, где они не перекинулись и парой слов: Денис тогда плевать хотел на задание и ждал, пока одnogруппники сами разберутся, что им говорить после окончания отведенных на размышление пятнадцати минут; Катерина же, напротив, с кем-то активно спорила (естественно, при ответе выяснилось, что правой была она).

Изначально ошибочно отнеся ее к «ботанам», Денис скоро признал, что Катерина в их круг не вписывается. В ее уме сложно было сомневаться после череды крайне удачных выступлений на семинарах, но она во всем отличалась от тех, кого он сам в те времена пренебрежительно считал «нервными зубрилами».

Держась в стороне от большинства, она не казалась изгоем, а только избирательной в общении и очень уверенной в себе, из-за чего всегда — будь то намеренно или нет, — попадала в поле зрения остальных. Пока одnogруппницы парами и маленькими кучками перемещались из аудитории в аудиторию, занимали друг другу места за партами и очередь в столовой, Катерина спокойно могла сесть одна, пойти, куда нужно, не теряя времени на ожидание других, и никогда не слонялась по университету без дела, просто за компанию.

Ее высокомерная холодность не прошла мимо одnogруппников, и за глаза ее нередко называли «боярыней Морозовой». Денис только усмехался, поражаясь, что кто-то может так задирать нос. Катерина будто показательно ни с кем в их группе не позволяла себе просто поболтать и посмеяться, зато на лекциях, где присутствовал весь поток, садилась всегда только с Юрой Брестером, студентом другой группы, и менялась на глазах.

Иногда оказываясь на ряду позади этих двоих, Денис только диву давался. Катерина, обычно молчаливая и холодная, позволяла себе и хихикать, и шептать что-то на ухо своему соседу прямо вовремя лекции. Ее поведение на семинарских занятиях было совершенно противоположным. Себе Денис подобный контраст объяснил просто: все девчонки дуреют от любви. Даже такие, как Катерина.

Курс Аверинцева по профессиональным навыкам стал ее звездным часом. Уже через несколько недель одnogруппники и одnogруппницы Дениса пришли к выводу, что для успешного решения командного задания полезно иметь Морозову рядом. Если остальным было важнее получить хорошую оценку, чем убедиться в своей личной гениальности, то Денису неизменно требовалось подтвердить свои способности; с Катериной он не работал вместе ни разу.

Через пару месяцев у них начался следующий блок занятий с Аверинцевым: по профессиональной этике юриста. Тоже факультатив с добровольной записью. Групп набралось три, Денис попал в ту же, что Катерина и Брестер. Остальных собравшихся он тоже знал лишь шапочно, что не могло не вызывать легкой досады. Все-таки с приятелями Денису было веселее.

Семинары по этике удивили их еще больше, чем занятие по навыкам. Кейсы, которые давал им Аверинцев, нельзя было решить однозначно. Сколько бы студенты ни пытались, результат всегда был один: нет такого ответа, который снимет с них ответственность за принятое решение. Всегда обнаруживалась как минимум одна возможность, что казалась почти столь же правильной, что и другая, и в то же время — столь же неправильной.

Нарушить адвокатскую тайну, чтобы рассказать свидетелю обвинения об угрозе жизни? Каким образом это поможет, если неизвестны исполнитель, время, место, способ, даже сама достоверность полученной информации? Каким образом они при таком недостатке сведений могут быть уверены, что помогут, а не навредят? А что насчет взятых на себя обязательств в качестве защитника и возможных последствий после нарушения этических норм?

Аверинцев заводил их в такие профессиональные и моральные дебри, что бедные второкурсники с распухшими от тяжким дум головами отчаянно мечтали в конце скитаний услышать его вариант правильного решения, но Александр Анатольевич свои личные суждения за редчайшими исключениями держал при себе. Он не скрывал, что в практике выбор придется делать самостоятельно, и лучше бы научиться принимать решения с опорой на свою голову раньше чем кто-нибудь из старших успеет эту голову задурить.

На этике Денис первое время чувствовал себя беспомощным, не догоняющим суть. Прежде он ни о чем подобном не задумывался. Родители и подавно ни разу не озадачивались философскими беседами. Он сомневался, что они сами в своей ежедневной рутине хотя бы иногда мыслями уходили в столь мудреные глубины.

Тогда-то его ушей впервые по-настоящему достигли речи Катерины, объяснявшей свои решения Аверинцеву. Тот не демонстрировал ни излишнего одобрения, ни неодобрения, но кивал с таким вниманием, что несложно было догадаться: в звучащих словах что-то есть.

Денис следил за рассуждениями Катерины, надеясь, что сумеет понять логику чужих мыслей и отыскать в ней способ, который позволит разделяться с этическими дилеммами успешно, потому что сам он терпел поражение за поражением. Аверинцев в любом его ответе находил уязвимость до того значительную, что Денис не мог дальше оставаться спокойным и уверенным в своем решении, тоже начиная видеть в нем недостаточность или даже вредность.

В том, как обычно размышляла Катерина, было что-то непривычное, неординарное. Ему потребовалось время, чтобы осознать: дело в ее взгляде на последствия. Для нее цепочка принятия решения не заканчивалась на двух звеньях «сделанный выбор — результат», а продолжалась. Она видела, к чему ведет этот результат. Она всякую ситуацию рассматривала на разных этапах временной линии. Она готова была взять на себя ответственность, распространявшуюся на куда большую область, чем ее сокурсники имели бы смелость узреть.

Денису никогда не приходило на ум, что ответственность за любое действие на самом деле настолько велика. Он никогда не задумывался, что один конкретный выбор одного конкретного человека — лишь костяшка домино. Он никогда не представлял мир как глобальное хитросплетение причинно-следственных связей. Он никогда прежде не осознавал, что он среди прочих существующих в мире людей эти причинно-следственные связи создает.

Он не мог знать, что в будущем, несмотря на все предыдущие попытки, сделанные открытия и появившиеся у него принципы, не сумеет выбрать правильно.

Глава 9

В одном из любимых Леной баров-ресторанов Москвы сегодня был аншлаг: поздний вечер субботы, на сцене хорошо известная в определенных кругах кавер-группа, за окном пусть и середина весны, но без ушедшего за горизонт солнца на улице пока довольно прохладно, и многие совсем не прочь закончить вечернее randevu за напитками покрепче кофе где-нибудь в тепле. Лена вместе с двумя своими подругами еще с учебы на юрфаке, Аней и Сашей, даже успела немного замерзнуть во время не столь уж долгой прогулки по Тверской.

Последний свободный столик они урвали практически чудом. От выпитых за прошедший час «маргарит» у Лены горели щеки, тело же до сих пор не покинула мелкая дрожь. По сравнению с активно болтающими девчонками ее, может быть, немного развезло от алкоголя, выпитого на полупустой желудок и вымотавшуюся за рабочий день голову, но легкое опьянение, при котором молчать хочется сильнее, чем говорить, было одной из целей сегодняшнего вечера.

Она устала. Она запуталась. Она больше не знала, как ей стоит поступать.

С трудом верилось, что с новогодних каникул едва минуло три с половиной месяца: ей казалось, Сочи, форум, море и ленивое лежание на огромном гостиничном диване вместе с Денисом случились в какой-то другой жизни. Январь принес с собой очень нужную Лене надежду, став первым за долгий и тяжелый прошлый год периодом перемен в лучшую сторону, и она поверила, что действительность их брака наконец медленно, но движется к прогрессу. Она поверила, что Денис хочет что-то исправить. Она поверила, что ее муж по-настоящему хочет быть с ней.

Они впервые за столько лет провели вместе отпуск, и пусть в начале несколько дней с Морозовой, явившейся из неоткуда, и Денисом, замирающем подобному сурку при встрече с хищником, обещали мало хорошего, оставшаяся неделя Лена все чаще чувствовала себя близкой Денису. У них до сих пор получалось легко ладить друг с другом, хотя она искренне боялась, что после затянувшегося периода отстраненности и замкнутости со стороны Дениса, находиться вместе подолгу будет непросто. Но они... ладили. Как-то совершенно естественно и просто.

Лена печально усмехнулась, поднеся к губам бокал. С Денисом всегда было легко, когда он того желал. Жаль, что чаще его желанием оставалось зарыться в работу с головой. Она должна была признать, что в последние недели в этом стремлении он превзошел сам себя.

— Ленусик, — Саша резко, словно ей только что ударили в голову два бокала вина, забеспокоилась, прекратив свой рассказ о работе на новом месте. — Ты не с нами. — Слова она протянула с капризной интонацией.

Аня закивала в согласии, продолжая цедить свой коктейль. Лена послала подругам извиняющуюся улыбку.

— Простите, девочки. Задумалась.

Саша хотела было что-то сказать, но Аня ее опередила:

— Лен, случилось что-нибудь? Ты сегодня и правда невеселая. — Тревога в ее голосе была неподдельной. — Все хорошо с Денисом, в студии?

Покачивая головой, Лена поспешила успокоить обеих, теперь пристально за ней наблюдавших, подруг:

— Все хорошо. — Она улыбнулась как можно радостнее. — В студии все отлично: учеников прибавилось, я сегодня семь уроков отвела, можете себе представить. Далеко не все мои ученики сразу поют как ангелы. — Саша и Аня рассмеялись. Лена поспешила добавить: — Да и с текилой на голодный желудок нелегко оставаться трезвой. — Теперь они посмеивались уже втроем.

Саша со значением покачала головой:

— Семь занятий в день, а? Помнишь, как ты начинала с трех учеников в месяц?

Лена кивнула.

Конечно, она помнила. Как почти все, кого она знала, крутили пальцем у виска, когда она все-таки решила бросить юрфак и еще раз попробовать поступить в Гнесинку на эстрадно-джазовое отделение. Как затем никто из них не верил, что она в качестве преподавателя по вокалу сможет заработать себе на достойный уровень жизни. К ее счастью все эти люди были неправы и, вероятно, мало что знали о стоимости занятий у действительно компетентных педагогов.

Сразу после окончания одиннадцатого класса Лена пыталась поступить в Гнесинку, но провалилась на втором туре отборочных, и ее уверенность в себе из-за этой неудачи значительно пострадала. Сейчас она, зная ситуацию изнутри, прекрасно понимала, что не пройти в тройку избранных, поступивших на бюджет в главную музыкальную академию страны — событие, далекое от провала, но для нее семнадцатилетней все происходящее казалось трагедией.

В те дни ей никто — даже ее преподавательница по вокалу в родном городе — не подумал объяснить, что в мире высокой конкуренции побеждает тот, кто после отказов пытается лишь сильнее прежнего.

Ее родители, ничего не знающие о творческих сферах деятельности, тем не менее в один голос твердили, что музыка не профессия, и денег с ее помощью не заработаешь, если у тебя их изначально нет. Разницы между шоу-бизнесом и иными областями работы для музыкантов они не знали, и слова Лены о том, что на эстраду она не собирается, их не успокаивали. Зато успокоили ее провалившиеся вступительные.

Конечно, никто не позволил Лене ждать год до следующих экзаменов; пришлось выбирать среди обычных специальностей обычных ВУЗов. Юрфак оказался тычком пальцем в небо. Уже позже Лене стало ясно, что у нее есть неплохие способности к пониманию мира юриспруденции: учеба шла легко, иногда даже интересно, но, к сожалению, нельзя было развивать в себе юридическое мышление без умерщвления эмоциональной чувствительности. По крайней мере у нее не получилось.

Сначала Лене думалось, что она сумеет легко переключаться между двумя версиями себя: одна, рациональная и трезвомыслящая в самых тяжелых ситуациях, с холодной головой на плечах слушает об очередном жестоком убийстве и неосуществленном правосудии; другая, нежная, тонко-чувствующая, поет баллады о любви с бегущими мурашками по коже и разрывающимся от боли о выдуманной на три минуты льющейся мелодии истории любви. Это был отличный план для совмещения разных сфер жизни, но не осуществимый.

Чем дольше Лена ходила на пары, играя в успешную будущую адвокатессу, тем более черствой она становилась. То, что раньше трогало до глубины души, уже не вызывало прежней реакции. Песни пелись сухо, мертво. Лена чувствовала, что начинает терять прежнюю себя, что ей все тяжелее вспомнить, в чем заключалось ее прежнее «я».

Осознание было достаточным ужасающим, чтобы не побояться лишиться финансовой поддержки родителей и очередного провала на вступительных. На середине третьего курса Лена забрала из университета документы, нашла на оставшиеся полгода до летних вступительных испытаний подработку, чтобы вернуться к занятиям с педагогом и подготовиться.

Ни разу после она не пожалела, что, наконец, послушала только себя, а не других.

Аня, будто угадывая ее мысли, подняла бокал, предлагая тост:

— Давайте выпьем за нынешний и будущий успех! И за решительную готовность к переменам ради лучшего!

Лена осушила свой бокал до дна.

Вечер плавно переходил в ночь, опьянение растекалось в Лене затуманенностью в голове и расслабленностью в теле. Куражающиеся на сцене музыканты успешно отвлекали ее от мучив-

ших до этого вечера проблем, пусть она все еще не могла до конца погрузиться ни в текст песни, ни в содержание оживленно-громкой болтовни Саши и Ани о неожиданном весеннем параде бывших в соцсетях. Сознание с трудом стремилось по привычке зацепиться за идущие кругом мысли о Денисе, об их браке, о том, что происходило с ними сейчас. Или скорее с *ним*?

Все изменялось прямо на ее глазах. Их общий дом словно потерял одного из своих жильцов. Тишина и пустота комнат — не редкость и прежде — теперь ощущались каждой клеточкой тела, каждым неожиданным шорохом, каждым темным уголком, будто из стен и мебели медленно, капля за каплей утекали те признаки, что всегда позволяли чувствовать присутствие Дениса, даже когда сам он был очень далеко.

Лена больше не удивлялась тому, что за последний месяц ее муж уже несколько раз ночевал на работе, хотя ни разу за предыдущие года он не оставался в офисе на всю ночь, всегда возвращаясь в их квартиру, даже если сон в его планы не входил. Она больше не пыталась разобраться в том, что происходит. Она больше не задавала вопросы обеспокоенным голосом, устав слушать бессодержательные оправдания.

В первый раз получив от Дениса сообщение (сообщение! даже позвонить он не осмелился), Лена была крайне удивлена, однако и не подумала волноваться. Действительно, незапланированный аврал возможен, и без поездки домой Денис успеет сделать больше. Действительно, Лена предпочла бы одну ночь провести в одиночестве, чем пару часов в тревожных переживаниях о том, что Денис рискует заснуть за рулем.

Один эпизод не значил ничего, но с тех пор она успела подружиться с пустотой их новомодной, сияющей свежим ремонтом квартиры, особенно тоскливой по ночам. Иногда Лене казалось, что мир вокруг обернулся другим: мрачный и угрюмый, он отворачивался от нее, не имея ни малейшего желания объяснить, что и где разваливается прямо сейчас. И почему.

Нельзя было и дальше не замечать, что Денис взял в привычку возвращаться из офиса около полуночи, когда Лена уже заканчивала приготовления ко сну. Она не могла позволить себе нарушить режим и следующим днем сипеть во время урока: певческий голос требовал здорового восьмичасового сна, независимо от того, хотела Лена побыть с собственным мужем хотя бы чуть дольше получаса или нет.

Почти ежедневно они, едва пересекаясь, расходились вновь, и связь, что всегда на том или ином уровне существовала внутри их отношений, ослабевала после каждого быстрого, бестолкового разговора о делах, где еще яснее просматривалась нелепость их нынешней действительности, как бы упорно они вдвоем ни притворялись. Лена — боясь разрушить хрупкое, но все-таки равновесие, а Денис... если бы она только знала, чем руководствовался Денис...

Он даже не пытался заполучить хотя бы немного ее времени: ему всегда требовалось что-нибудь доделать, дописать, дочитать и т.д. и т.п. Отговорки, позволявшие найти ему подходящее извинение, удачно правдоподобные, чтобы нельзя было подумать, будто причина — неожиданный и невероятно важный аврал на работе, а не его стремление свести их общение к минимуму.

Сначала Лена растерянна, будто за стороны, следила за происходящим. Затем, нервничая, переживала, пыталась понять и злилась, натываясь на стену безответного вежливого равнодушия. После проснулись подозрения, но им не было ни единого подтверждения: она не так давно невзначай поделилась своими мыслями с Ларой, но та могла лишь подтвердить, что несколько раз, задерживаясь в офисе допоздна, все равно уходила предпоследней — в кабинете Дениса продолжал гореть свет.

Не было никаких любовниц, в существование которых, зная Дениса, Лена никогда всерьез не верила. Просто ее муж — настала пора это признать — ее избегал.

Зажмурившись на мгновение и с силой прижав ладони к лицу, забывая о риске испортить макияж, Лена разозлено потрясла головой. Она пришла сюда пообщаться с подругами, разве-

яться, поздравить Сашу с прохождением испытательного срока; очередной виток страданий и жалости к себе в расписание вечера не укладывались.

— Лену-у-у-сик? — Это снова была Саша. К счастью, слишком пьяная, чтобы по-настоящему что-то заподозрить. — Все хорошо?

— Да. Да, конечно, — неестественно выпрямившись, Лена, сидя на бархатном диванчике, уже во второй раз за несколько часов лгала. — Просто голова немного плывет.

Она не могла сказать правду. Язык не поворачивался. Да и сил на подобные признания не осталось. Когда-то давно она все рассказала Ларе, но Лара была и всегда будет ее самой близкой подругой, почти старшей (пусть они и одногодки) сестрой, какой у Лены, выросшей в компании младшего брата, никогда не было.

Лара умела слушать и умела понимать сложные, противоречивые чувства и решения, очень редко осмеливаясь критиковать или поучать там, где никто этого не просил. Ларе можно было доверить свою самую глубокую, самую сильную боль, не боясь, что она начнет из лучших побуждений ковыряться в незажившей ране.

Девчонки... девчонки были другими. Лена знала, какой будет их вполне искренняя, но такая предсказуемо жалостливая по отношению к ней реакция. Лене не нужны были ругательства в сторону Дениса или сочувствующие причитания. Легче от них не становилось, а проблемы не решались. Она хотела отвлечься, значит, сделает усилие и сосредоточится на происходящем сейчас.

— Мы сегодня здесь, чтобы твой карьерный рост отпраздновать, Саш, а ты все еще не рассказала, какие у тебя впечатления! — Лена, наконец, вспомнила, о чем собиралась разузнать еще в самом начале вечера.

— Да-да-да! — Аня согласно закивала головой, несколько громче приличного выражая свой интерес к наметившейся теме разговора. — Ты же теперь с Богдановым и Аверинцевым работаешь! Где байки о великих и ужасных?

Они рассмеялись, сразу понимая, кто в этой паре профессионалов самый ужасный.

Сергей Сергеич Богданов преподавал у них Теорию государства и права — самый главный и самый сложный для первокурсников предмет. Стараниями старшекурсников и даже некоторых преподавателей личность Богданова была окружена такими устрашающими историями о его строгости и требовательности, что на пары к нему большинство студентов до самого конца второго семестра заходили с подгибающимися от ужаса ногами.

Лена подозревала, что Сергей Сергеич намеренно поддерживал свой образ, то ли от скуки забавляясь испугом желторотых птенцов, то ли целенаправленно воспитывая в своих учениках психологическую стойкость. Вероятно, одно ничуть не исключало другого.

Забуть, как на январском экзамене Богданов устроил им три тура испытаний без сохранения заработанной на предыдущем этапе оценки, было невозможно. Из лениной группы процентов семьдесят ушли после первого этапа, согласившись на первые «удовлетворительно» в пестревших высокими оценками зачетках.

Лена, вместе с тремя другими смельчаками, дошла до последнего испытания, где выбор стоял между заветной записью «отлично» и путевкой на пересдачу. Богданов, явно про себя посмеиваясь, глядя на их перепуганные лица, вопреки самым мрачным ожиданиям первокурсников, задал им один-единственный вопрос на размышление. Вне тем билетов. «Отлично» тогда получили все.

— Я же лишь юрист, куда мне до контакта с великими мира сего, — отвечая, Саша попыталась закатить глаза, но получилось только наполовину: наверное, в ее состоянии подобные средства выразительности становились немного болезненными. — Я их не видела еще даже.

— Жа-а-а-аль, — Аня протянула с искренней печалью в голосе. — Интересно, как у Сергей Сергеича дела.

— Да, правда интересно встретить кого-нибудь из преподавателей спустя столько лет, — Лена подтвердила, задумчиво гадая, вспомнит ли ее кто-нибудь из бывших наставников или нет: она ведь совсем немного проучилась. — А как тебе сама фирма? Коллектив?

— Неплохо. — Саша в своей привычной манере не пожелаала демонстрировать лишних восторгов о других. — Адекватов больше, чем неадекватов. Работать можно.

Лена улыбнулась. Да, похвалы от Саши не услышишь.

— Еще партнер у нас новый. Ну, скорее старо-новая.

Аня и Лена переглянулись, недоумевая, о чем речь.

— У нас в Питере филиал еще, — объяснила она, заметив их непонимание. — Видимо, решила вернуться. Говорят, раньше она в Москве работала. Там мутная какая-то история. Никто ничего не знает, а сплетни ходят. Как обычно, короче. Вы слышали, наверное, про эту адвокатшу, — она демонстративно поморщилась; Лена поняла, что кто бы эта «адвокатша» ни была, Саша приятню к ней не воспылала. — Морозова Катерина. Титулованная особа... — С заметной завистью Саша перечисляла названия премий, конкурсов и прочих заслуг, но Лена едва ли могла понять отдельные слова сквозь гул бьющегося то ли в горле, то ли прямо в голове сердца.

Морозова. В Москве.

Вернулась, вернулась, вернулась.

Глава 10

Затхлый, постаревший за прошедшие годы воздух бил по осязанию при каждом вдохе — судорожно-поверхностном, торопливо-жадном, истосковавшемся. От одного взгляда в глубь забыто-знакомых стен, обклеенных устаревшими обоями в крупный цветочный паттерн, грудную клетку сдавило припоминанием; давно утерянное родство с местом, что всегда оставалось единственным настоящим домом, отдавалось медленно накатывающей болезненной тяжестью в теле.

Еще на пути к родному городу, она почувствовала, как неторопливо, с мучительной отяжкой расходятся старые раны, чье существование на расстоянии легко отрицалось ею много лет подряд. Вид нетронутого временем, но очевидно покинутого хозяевами дома царапал сердце и жег глаза.

Она выросла в этой квартире в сталинке на Фрунзенской набережной, она каждый день ходила в школу неподалеку, а затем — в университет, шесть дней в неделю проезжая свою любимую станцию метро, где так часто, но всегда неожиданно, после выезда из туннеля, слепило стоявшее над Москвой-рекой солнце; она возвращалась сюда по вечерам со своей первой работы, она примеряла свадебное платье, стоя перед трюмо в этой самой прихожей, где стояла и сейчас.

Теперь ее окружали коробки, сумки и чемоданы. Пумутневшие зеркала трюмо, слои пыли на мебели, источающаяся стенами тоска вперемешку с истекшим временем, пронзительно ощутимая покинутость, какая всегда заметна в оставленном без людей жилье. Катя не нашла в себе сил дать объявление с предложением о съеме — ни когда только уезжала из Москвы, ни после, даже в те месяцы и недели, когда денег на многое не хватало.

Она и сама не знала, почему категорически не желает видеть в этой квартире посторонних людей, почему лишь мысль о том, что кто-то другой начнет двигать мебель, менять декор, застилать кровать в спальне своими простынями, расставлять на кухне свою посуду, создавать внутри прошедшей жизни новую, вызывала в ней паническое неприятие. Бывая в Москве по несколько раз за год, она все равно ни разу здесь не появилась, предпочитая ночевать у переехавших в пригород еще в годы ее студенчества родителей.

Квартира, очевидно, требовала уборки, затевать которую ради пары суток было просто нецелесообразно, как и покупать еду и нужные в ежедневном обиходе предметы. К тому же незапланированный, пусть и короткий, визит к родителям стоил раннего подъема утром, которого можно было бы избежать, останься она в центре. Остаться не хотелось.

Дискомфорт от затянувшейся неподвижности, наконец, вынудил Катю сдвинуться с места. Разувшись (может, и не стоило: спустя столько лет она едва ли могла вспомнить, мыла ли полы перед отъездом), она медленно пошла вперед, по пути везде зажигая свет. В мыслях она редко возвращалась к последним прожитым здесь годам, и сейчас со странным, пробегающим холодком по внутренностям удивлением, осознавала, что помнит далеко не все.

Вопреки ее ожиданиям, на кухне не было настенных часов — только свидетельство в виде гвоздя, оставшегося вбитым в скрытый под обоями бетон; в зале кресла разместились слева от дивана, а ей почему-то помнилось, что должно быть по креслу с обеих сторон; в спальне на прикроватном столике больше не стояла в тонкой золотой рамке миниатюрная акварель с пасторальным пейзажем.

Одним летом много лет назад, Катя, убегая из Сухого фонтана у Новой Третьяковки, вдруг зацепилась взглядом за одну из множества выставленных у лавочников картин и не смогла пройти мимо. Она обожала эту акварель и, переехав в Питер, долго искала ее среди вещей, но так и не нашла. Оказалось, здесь ее не было тоже.

В кармане брюк завибрировал телефон. Катя, коротко взглянув на экран, улыбнулась имени звонившего и подняла трубку.

— Привет!

— Привет новоявленным, или лучше сказать: староявленным — москвичкам! — задорно произнесли в ответ. Катя рассмеялась. — Как добралась?

— Вполне неплохо. Я уже с полчаса в квартире.

— Быстро ты, я думал, поймаю тебя на пороге. Чем в таком случае занимаешься?

Катя осмотрелась вокруг и опустилась на кровать, застеленную выдавшим лучшие годы покрывалом, внезапно почувствовав неподъемную усталость.

— Да вот собираюсь с силами, чтобы вещи распаковать. Если не начну сегодня, то не начну никогда. Завтра на работу, круг замкнется, — пошутила она. — Сам знаешь.

— О да, Катерина Сергеевна, ваша страсть к работе всем хорошо известна.

Закатив глаза, Катя ответила, подражая высокопарному тону собеседника, но добавив притом побольше сарказма:

— Ваша страсть к работе, Юрий Романович, тоже всем хорошо известна.

«Юрий Романович» хмыкнул.

— Туше.

— То-то же, — проговорила она довольно. — Ладно, пойду я трудиться на благо чистоты и хозяйственной устроенности. Увидимся завтра.

— Давай-давай. Мы со старичками очень ждали твоего возвращения.

Катя растроганно улыбнулась и призналась почти шепотом:

— И я ждала, Юр.

После разговора Катя позволила себе еще на несколько минут задержаться в спальне, но резко поднялась с кровати, едва мысли потянулись к закрытым дверям прошлого, в которое она намеренно старалась не заглядывать. Бессмысленно ворошить прошедшее, неизменное и горькое. У нее давно другая жизнь.

Загроможденная коробками и чемоданами прихожая при брошенном на нее повторно взгляде раздражала с особенной силой и вызывала желание поскорее навести порядок в и без того неудобной из-за затянувшегося одинокого простоя квартире; отсутствие отдыха перед будущим рабочим днем показалось Кате предпочтительнее постоянных завалов на входе в квартиру.

На самом деле коробки можно было передвинуть к одной стене до лучших времен, вещей Катя привезла не так уж и много: обновленная за проведенные в Питере годы библиотека, любимая посуда, одежда да всякая мелочь, — остальным она собиралась обзавестись уже в Москве. Тем не менее изгнать из собственной квартиры дух очередного перевалочного пункта хотелось как можно скорее.

Только сейчас, осознав как мало она привезла с собой после четырех лет жизни в другом городе, Катя неуверенно подумала, что до сих пор жила как будто на чемоданах — покупала лишь необходимое, не предпринимала попыток исправить недостатки петербургской квартиры, не захотела персонализировать ее, сделать своей: повесив новые шторы на окна, расставив по поверхностям вазы, статуэтки, фигурки на свой вкус, застелив мягкую мебель покрывалами любимого цвета вместо хозяйских зеленых, ведь она всегда не очень-то жаловала этот цвет. Признание стало неизбежным: она с первого и до последнего дня знала, что обязательно вернется домой.

Петербург был прекрасным городом, но он не был Москвой. День за днем Катю что-нибудь да приводило в чувство, стоило ей ненадолго забыть, что ПМЖ в этом городе она обрела не по своей воле. Выходя из квартиры на прогулку, она неуверенно делал один шаг, другой, третий... долго и трудно решая, куда ей направиться. Захотев выпить кофе, тратила уйму времени, заглядывая в окна кофейен — так она искала, в какой из них ей понравится настолько

же, как в любимой кофейне в родной Москве. Тогда Катя не знала, что столь же любимых мест уже не найти.

Какими бы чудесными, уютными, красивыми ни казались питерские заведения, они не обладали теплой и родной атмосферой, что ткалась из памятных счастливых событий, веселых встреч с друзьями, повседневной, предсказуемой от и до рутины. Каким бы близким и любимым ни казался ей этот город в каждую из коротких туристических поездок, после переезда он вдруг стал ей чужим. Она двадцать девять лет прожила в Москве и не была готова ждать еще три десятка лет, чтобы почувствовать себя в Питере своей.

Едва ли она даже спустя столько лет сумела бы забыть, что в Петербург ее сослали. Вынужденно. Желая защитить. Спасти ее карьеру. Но ссылка оттого не переставала ссылкой быть. В питерском филиале никто не ждал Катю с распростертыми объятиями: и без нее хватало молодых и перспективных.

Наставники и наставницы, испытывавшие хотя бы скупую привязанность к своим стажерам и уже вполне самостоятельным юристам, к ней, ожидаемо, относились с холодным безразличием, а то и с кичливым ожиданием — она видела иногда на лицах вопросительное: «Ну? Докажи, чего ты стоишь, никому здесь ненужная москвичка».

Катя доказала. Одна, без поддержки и связей, без возможности по-настоящему посоветоваться с коллегами или просто поговорить. Первый выигранный процесс любители сплетен о причинах ее перевода могли списать на везение, на слабо проработанную позицию другой стороны; второй, третий, четвертый — тоже, но затем принижать ее профессионализм стало невозможно. Меньше чем за год Катя донесла до всех одну простую мысль: она своего места достойна как никто другой.

Тогда ей пришлось нелегко, даже несмотря на то, что в профессиональное плавание она отправилась около семи лет назад. Нельзя было недооценивать уровень ее прежней защищенности: Москве с самого начала долгого и трудного пути ее окружали люди, на которых она могла — или думала, что могла, — положиться. Аверинцев, который сделал из нее настоящего юриста, Юра — ее единственный и самый верный друг, Денис... обернувшийся слабым звеном в этой цепи.

Она знала его с семнадцати лет. Она собиралась за него замуж. Она жила с ним в одной квартире восемь лет. Она доверяла ему как себе. Она думала, что он понимает, что ей важно. Почему ей это важно.

Она по глупости считала, что он, зная железобетонную истину: предательство она не простит, — никогда ее не предаст.

Она оказалась права.

Глава 11

Апрель, теплый и солнечный, совсем не похожий на питерский — Катя и забыла, каково это: радоваться ясному голубому небу в пальто нараспашку и легкой обуви в середине весны, — иногда вполне ожидаемо омрачался медленно перетекающими в офисе из пустого в порожнее сплетнями и едва ощутимыми, подобно досадно полученной занозе, кознями некоторых ее новых коллег.

Для Кати, знакомой с точно такими же «приветствиями» с эпохи перевода в питерскую фирму, они не значили ничего. За внешне обозримые пределы корпоративной этики выйти никто не осмеливался — дураков в успешных юрфирмах долго не держат, — а слабые попытки помешать ее работе она легко игнорировала.

Подличали обычно в мелочах: при любой удачной возможности ее новые «поклонники и поклонницы» якобы случайно теряли часть корреспонденции и находили бумаги спустя пару часов, они же якобы ненамеренно готовили нужные Кате документы дольше, чем того требовала поставленная задача, забывали — якобы на самом деле — включить ее в общую рассылку на корпоративной почте или передать важную информацию. Пустяковые затруднения. Ничего по-настоящему вредного, к счастью, не происходило.

Катя, благоразумно не афишируя свою дружбу с Юрой Брестером, одним из юристов-партнеров, благодаря его своевременной помощи, ни разу не попала впросак, несмотря на все старательно вставленные в колеса палки извне. Она заранее знала, что риск подобных нынешней кампаний против конкурентов более чем возможен, и предпочла подстраховаться даже при возвращении в родную фирму.

Нужно быть наивной дуручкой, чтобы спустя столько лет взаимодействия с людьми юридических (и не только) специальностей не понимать: большинство печется только о себе. Плевать они хотели на то, что в суде Катя защищает пострадавших от беззаконья и каждая проволочка значима в первую очередь для конкретного человека, вынужденно попавшего в страшные и тяжелые обстоятельства, а не для ее карьерного роста.

Люди, находившиеся в поиске оправданий для собственных неудач, не могли пройти мимо удобной причины в ее лице. До повышения не доработали они, но проблема, конечно же в другом: в фирме появился лишний сотрудник. Они решили лишний часок вздремнуть и забить на многостраничный обзор практики, где прятался нужный им прецедент, но их профессионального рвения не заметили, потому что Катя — чья-то протеже, вот и ценится столь высоко как кадровый элемент.

Катя только усмехалась. Мысленно. У таких людей всегда виновным остается другой. Взять ответственность за собственную жизнь — это им было не по плечу. Тех, кого груз ответственности не придавливал к земле, а помогал найти в себе достоинство и волю, существовало немного — редкий, почти вымирающий вид человечества.

Сегодня исполнялся месяц ее возвращению в Москву. Юра ждал ее на Пушкинской для похода в один из облюбованных ими в студенчестве баров — дань ностальгии, но Катя не возражала. Может быть, в тридцать четыре года пить дешевый алкоголь в забегаловке для молодых и небогатых и не лучшая затея, но ей в столкновении с прошлым впервые за долгие годы виделось что-то сокровенное, ритуально-сакральное.

В Петербурге Катя первое время не желала иметь с прежней жизнью ничего общего, не хотела вспоминать, не хотела вернуться назад; напротив — имела надежду забыть, но, едва затихли первые волны боли, их место вдруг заняла — иногда с трудом выносимая — тоска по Москве. Единственным спасением в те дни, одинокие, безрадостные, стали мечты о посещении любимых мест и короткие визиты, в которые она пыталась насытиться родным городом

на месяцы вперед. Позднее, конечно, привычка взяла свое, но сиротливая печаль, однажды поселившаяся у Кати в душе, не исчезла.

Она неторопливо прошла от метро по Моховой, Знаменке и Гоголевскому бульвару к Никитинскому и Тверскому, не переставая оглядываться по сторонам, и была в эту прогулку больше похожа на любопытного туриста, чем на коренную москвичку. Улицы воспринимались иначе, будто перемены коснулись их в меньшей степени, чем ее саму: всматривающуюся в новую плитку на тротуарах и затянутые тентами фасады зданий.

Юру она заметила уже на подходе к Пушкинской. Махнув Кате рукой, он быстро сократил расстояние между ними. Поздоровавшись, они обнялись и побрели в сторону затерявшегося на пересечении переулков бара.

— Ну что, рассказывай, как прошел месяц на новом-старом месте? — Юра обернулся к ней, щурясь от ударивших в глаза солнечных лучей. — В одном здании работаем, а общаемся как будто еще меньше, чем живя в разных городах, а?

Катя показательно закатила глаза, но вместе с тем улыбнулась.

— Если я не работаю, то общаюсь с курьерами и всякими «мужьями на час». — Она потрясла головой, будто не веря умозрительному списку дел в голове. — Дома столько всего, оказывается, не работает или работает плохо. Как мы... — Она осеклась. — Как я раньше там жила и не замечала, не понимаю. Молодость, наверное. Сейчас я уже не готова терпеть подтекающий кран в ванной и бесящее «кап-кап» на кухне.

Юра рассмеялся и ответил голосом мужика из русских сказок:

— Строга ты, Катерина Сергеевна.

Катя слабо ткнула его в бок локтем.

— Ты у нас вообще аккуратист: я твою квартиру видела. Ни пылинки.

— Я наполовину немец, приходится соответствовать. — Шутка была настолько заезженной, что смеяться над ней — себя не уважать, — но Катя невольно фыркнула, просто по привычке.

В совсем другой жизни Юра и Денис прозвали себя с подачи последнего Штольцем и Обломовым, самым наглым образом вынеся из образов героев только ярлыки: Юра был Штольцем по происхождению, Денис Обломовым из любви к безделью; Катя, дочь преподавательницы русского языка и литературы, оскорбленная в лучших чувствах, тогда искренне пыталась объяснить, что Обломов лежит на диване вовсе не из лени, но никто ее не слушал. Мальчики изобрели шутку. Мальчики не готовы были с ней расстаться из-за занудства третьей стороны.

— Так что, — Юра, не погрузившийся в воспоминания от одной невинной фразы, быстро вернул Катю к неоконченному разговору. — Завистники не успокоились еще?

— А ты уже устал мне письма пересылать?

— Разумеется, — он ответил запредельно серьезным тоном. — Неоплачиваемый труд секретаря — тяжелое бремя.

Они обменялись взглядами и улыбками.

— Да нормально все, — Катя заговорила уже спокойно. — Мелочи, ничего, с чем нельзя справиться. Сам знаешь, как это бывает. Нам с тобой есть с чем сравнивать.

— Особенно тебе, — Юра сказал со значением.

— Вот не надо. Мы с тобой поначалу везде вместе лезли, если ты не помнишь.

— Лезли, но никто из нас не горел так, как ты. Это тебя же с места не сдвинешь.

С языка у нее так и рвались возражения, но она не знала, стоит ли втягивать в их беседу упоминание об одном из этих самых «нас».

— Вот уж не скажи, — Катя все-таки не удержалась. — Я тут... Помнишь, перед новым годом был форум в Сочи? Я туда еще ездила.

Юра кивнул.

— Там Денис выступал. Максаков, — она зачем-то добавила, словно сомневалась, что Юра сразу догадается, о ком зашла речь. — Я случайно его увидела, решила послушать второй доклад. Все так восторгались его первым выступлением: «Максаков то, Максаков это». Я ушам не поверила.

— Ты совсем не следила, чем он тут занимался? — За вопросом Юры угадывалась двойственность смысла, но Катя решила ее проигнорировать.

— Нет. Зачем? Но могу сказать, что была удивлена. Он в докладе много на собственную практику ссыался. Я готова признать, что впечатляет. Я от него не ожидала. — Она усмехнулась, не скрывая презрения и обиды. — Не после той подставы.

Юра замедлил шаг. Катя почувствовала, как едва заметно между ними в ожидании натянулось пространство: он, очевидно, хотел сказать нечто мало ей приятное.

— Кать...

— Что? — спросила она резко, заранее не желая слушать его, судя по всему, переменяющуюся позицию.

Юра тяжело вздохнул.

— Мы же знаем, что он не хотел...

— Не хотел? — перебила она его яростно. — Он прекрасно понимал, чем это кончится! Он намеренно...

— Катя... Мотив у него был другим, ты же знаешь.

Она остановилась и быстро повернулась к Юре лицом, не в силах и дальше, как ни в чем ни бывало, составлять компанию остальным прогуливающимся в переулке. Сцепив зубы, она пыталась усмирить злость, почти забытую за давностью лет, но не исчезнувшую.

— Да мне плевать на его мотивы! С каких пор ты его оправдываешь? Он не господь бог, он не имел никакого права решать за меня. Я сделала выбор. Я решила, что дело важнее остального. Он знал, — она усмехнулась, поражаясь собственной эмоциональности, глупой, неуместной злости и безуспешности попыток взять ее под контроль. — Он знал, как все это важно для меня, и все равно посмел влезть. Он...

— Он пытался тебя спасти, — ровным и спокойным голосом Юра умудрился вклиниться в ее тираду, с видом более чем уравновешенным и достойным, пока Катю потрясывало от воспоминаний о прежней несправедливости.

— Он не имел права, — продолжила она безэмоционально, в раз успокоившись. — Он не имел права делать выбор за меня. Он не имел права мне врать. Он не имел права сливать мою позицию тем уродам и подставлять не только меня, но и мою подзащитную. Человек из-за него сел! — К концу речи громкость ее слов балансировала на грани гневного шипения и крика.

— Перед ним стоял слишком сложный выбор, Кать. — Юра скривился. — Слишком сложный.

Она возмущенно фыркнула и посмотрела на своего вроде бы лучшего друга пораженным взглядом.

— Неверно. У него, — последнее слово она выделила, — никакого выбора не было. Это был мой выбор, и я его сделала. Он не имел права вмешиваться. Я думала, это очевидно. Хотя бы для тебя.

Неуверенно пожав плечами, Юра объяснил:

— Было, — подчеркнул он, — очевидно. А теперь... — На мгновение задумчиво сжав губы в тонкую линию, он опустил взгляд к собственным ботинкам, прежде чем вновь посмотреть Кате в глаза: — Теперь я не знаю, что бы делал, оказавшись на его месте. Теперь я понимаю — не только тебя, но и его.

Катя могла только молча покачать головой.

— Тогда мне было легко судить, — явно неохотно Юра продолжил, осознав, что она попросту не желает понимать его внезапно обновившееся мировоззрение. — Тогда я слабо

себе представлял, что чувствовал Денис, а теперь, когда у меня самого жена — жена, которую я люблю, безумно люблю, — признание из себя он выдавил с трудом, но Катя не собиралась пекся о его эмоциональном комфорте, пока он занимается оправданием предателей. — Теперь, когда я пытаюсь представить, чтобы сделал на месте Дениса, я уже не чувствую былой оголтелой уверенности, Катя.

Непроизвольно вырвавшийся из ее горла звук было не разобрать.

— Из-за его «сложного» выбора невинный человек сел, если ты вдруг забыл! Я чуть не потеряла адвокатский статус, моя карьера оказалась на грани краха, и, если бы не Александр Анатольевич, все пошло бы к черту. Меня разнесли в суде в пух и прах, я пришла домой, а там Денис, глядя мне в глаза, уверял меня, что не знает, как так вышло. И ты сейчас находишь это приемлемым, серьезно? — Катя взмахнула рукой в сторону Юры; тот слушал ее с тем же, откровенно раздражающим монолитным спокойствием.

Найти в себе прежнее равнодушие у Кати не выходило. Они столько лет не смели затрагивать эту тему в разговоре, дружно сохраняли обоюдное молчаливое согласие по поводу произошедшего из страха друг друга ранить. Как оказалось, согласие было не такое уж обоюдное.

— А как бы ты на его месте поступила? — Юра вдруг задал ей вопрос, и по его внимательному, напряженному взгляду она догадалась, что интересуется он не из желания перевести стрелку спора в ее сторону, а потому что хочет знать ответ. Ей никто ни разу не задал этот вопрос. Никто. Даже Денис. — Ты бы сидела и ждала, зная, что угрозы в сторону Дениса более чем реальны или что-нибудь сделала бы? Ты смогла бы бездействовать?

— Я бы, — заговорила она, чеканя слова, — помогла ему во всем, но никогда, слышишь, никогда не стала бы обманывать и решать за его спиной. Я никогда бы не предала его выбор, чего бы мне это ни стоило. Потому что он вправе решать сам, потому что для меня «свобода воли» — это не красивое словосочетание, как и «доверие» не просто бессмысленное словцо. И я бы ни за что на свете не позволила своим личным интересам загубить чужую жизнь, тем более жизнь доверителя, который рассчитывал на своего защитника. — Замолчав, она крепко сжала ладони в кулаки; ногти ощутимо впились в кожу, отрезвляя.

— Он слишком тебя любил, чтобы мыслить адекватно, — Юра попытался возразить.

Катя горько усмехнулась.

— В том-то и дело: он любил недостаточно.

Глава 12

По-весеннему яркий солнечный свет заполнял спальню, отражаясь от кремового цвета стен, белоснежной мебели, зеркальных дверей раздвижного шкафа и даже от желтого покрывала на кровати и бледно-серого паркета. Комната утопала в жидком солнце, грела кожу, пробуждала от сна — все, как Лена задумывала несколько лет назад.

Самый теплый, самый уютной уголок их с Денисом квартиры. Единственный, что она успела оформить сама: остальные комнаты были отремонтированы до ее переезда и выглядели совершенно иначе: темные, с идеально-пропорциональной обстановкой, по-модному минималистичные. Неуютные и холодные. Неживые.

Со временем Лена привыкла и перестала замечать их искусственную красоту, которую столь легко было нарушить брошенным на край дивана пледом, забытой на журнальном столике книгой, оставленной на тумбе в прихожей мелочевкой вроде ключей, квитанций и почты. Со временем Лена забыла, что мечтала о другом, и научилась довольствоваться единственным местом в огромной четырехкомнатной квартире. Жаль, с недавних пор даже в спальне покоя было не найти.

Подойдя к зеркалу, Лена внимательно осмотрела себя с ног до головы. Одно полотенце удерживало мокрые после мытья волосы, второе — обнимало тело. Горячий душ не помог ни согреться, ни взбодриться. Кожа, покрасневшая под воздействием воды обжигающей температуры, а затем под теплыми лучами солнца, должна была пылать, но Лена чувствовала только прохладой бегущую внутри морось.

Уверенно бьющая своим присутствием за окном весна осознавалась с опозданием и казалась неуместно жизнеутверждающей, приглашающей — требующей даже, — радоваться и сверкать улыбками. Заторможенность во всем теле и мыслительная медлительность совсем не вписывались в это царство обновления и новых сил. Вяло подняв тяжелые как никогда руки, Лена стянула с головы полотенце и несколько секунд неподвижно пялилась на собственное отражение. На прямое свидетельство поселившегося в ней отчаяния.

Вьющиеся мелкими кудрями влажные волосы обрамляли ее уставшее лицо с темными кругами под глазами и проступившими под кожей капиллярами. Не такие гладкие, как прежде, потерявшие немного жизни после ее вчерашней эскапады в салоне волосы — сколько бы ее ни отговаривал парикмахер-колорист, Лена не могла ждать несколько месяцев, бережно и терпеливо осветляя пряди на несколько оттенков за раз, — вернуться к своему натуральному цвету.

В зеркале на Лену, наконец, впервые за почти два года вместо незнакомки с медной копной волос, смотрела она сама: золотисто-медовые локоны, серо-зеленые, непривычно погасшие глаза, изящный нос, тонкие, бледно-розовые губы, — и оттого еще заметнее становились настоящие изменения, что нельзя было стереть, проведя несколько часов в салоне красоты. Раньше она была другой.

Еще раз встретившись взглядами с собой в отражении, Лена начала собираться на работу. Достала из шкафа одежду, нарядилась и высушила волосы, застелила постель, тронутую лишь с одной стороны. Денис, вернувшийся вчера ближе к одиннадцати, уехал еще в семь утра, когда Лена только открыла глаза под звон будильника и шорох чужих сборов неподалеку. Спать он, вероятно, даже не ложился.

Что бы с Денисом не происходило, достучаться до него не получалось. Лена устала спрашивать и не получать ответа, устала предлагать помощь и слышать недоумевающее «Все хорошо»; устала слышать, что он занят, что в следующем месяце обязательно будет меньше работать. Она устала — как от его, так и от собственных — оправданий и самообмана. Так устала, что больше не испытывала ни надежды, ни понимания. Лишь поразительное спокойное равнодушие, за которым пряталась оглушающая растерянность.

Она не могла и дальше мучиться подозрениями, не могла гадать, связаны ли перемены в Денисе с возвращением Морозовой или нет.

Он знает?

Они виделись?

Видятся?

Она запрещала себе эти вопросы, чтобы не сойти с ума.

Одевшись, Лена уже в прихожей проверила сумку, не сумев вспомнить, положила ли прошлым вечером зарядку к планшету. Поиски ни к чему не привели: ни в сумке, ни в квартире кабеля не было, только адаптер. В очередной раз взглянув на часы, Лена побежала в кабинет. Денис совсем недавно купил планшет, но до сих пор пользовался старой зарядкой, и новая должна была оставаться в коробке. Возьмет ее.

В кабинет Лена заходила редко, не желая и не смея вторгаться на личную территорию Дениса; ей хорошо помнилось, чем в прошлом кончился ее первый и последний порыв любопытства. Многие знания — многие печали.

Книжные шкафы со стеклянными дверцами тянулись вдоль западной стены. На привычном месте, среди других коробок, нужную отыскать не удалось. Лена торопливо перемещалась от одного шкафа к другому, зная, что рискует опоздать, но без зарядки уходить было нельзя: весь рабочий день ее планшет без подпитки точно не протянет.

Наконец, на верхней полке самого дальнего шкафа она заметила выступивший край белоснежной упаковки. При ее росте тянуться пришлось на носочках. Кончиками пальцев толкнув легкую коробку ближе к себе, Лена дернулась от неожиданности, когда вместе с ней вниз рухнула темная коробка потяжелее.

Полетевшее на пол содержимое укололо ее испуганно дрогнувшие руки и веером рассыпалось на паркете. Лена не поймала ни коробку из-под планшета, ни другую — хорошо ей знакомую. Замерев, она смотрела на лежавшие перед ее ногами фотографии — она видела их всего лишь раз, но не забыла, — и на откатившейся к столу темно-синий маленький бархатный футляр. Открывать его не было нужды.

Лена знала, что в нем три золотых кольца: пара обручальных — тонкие и простые, с нетронутыми бирками бюджетного ювелирного магазина, и еще одно — изящное, с маленьким, но все-таки бриллиантом, потертое от ежедневной носки. Машинально она посмотрела на свой безымянный палец правой руки, где оба кольца, с широкими ободками и крупными камнями, купленные в одном из лучших ювелирных Москвы, разом растеряли всю ценность и значимость.

Опустившись на пол, Лена быстро собрала фотографии, не позволяя себе всматриваться в изображения, запрещая сравнивать, но ничего не вышло. Даже короткого взгляда было достаточно.

Везде — Денис и Морозова. Всегда в обнимку, всегда сияющие и веселые. Совершенно очевидно влюбленные друг в друга по уши. Групповой ли, парной ли была фотография — Денис всегда стоял рядом с Морозовой.

Молодой и беззаботный, с гладко-выбритым лицом, отчего казался еще юнее, Денис был совсем иным, каким Лена никогда его не знала. Счастливым.

Она уже находила эту коробку после похорон его родителей. Также случайно, зайдя в кабинет за документами, понадобившимися уехавшему в родной город Денису. Тогда ее едва зародившиеся подозрения, подпитываемые лишь воспоминаниями о разговорах со свекровью, за один час стали мучительно правдоподобны и полностью подтвердились на юбилее Аверинцева.

Сегодня же Лена отстраненно, словно через посредника, осознала, что этой коробки не могло быть здесь, если только Денис не заглядывал в нее накануне. Он прятал ее: в прошлом

Лена несколько раз безуспешно пыталась ее отыскать в надежде разувериться в увиденном. Разувериться не вышло — только окончательно все понять.

Она с трудом отвела уроки, беспрестанно пропадаая в собственных мыслях, продолжая с отчаянием на сердце взвешивать принятое решение на весах чувств и разума, зная, что на самом деле выбора нет. По крайней мере она больше не видела альтернатив.

Самым сложным оказалось выдержать вечером несколько часов в ожидании возвращения Дениса. Ни о чем не подозревая, он, конечно, не торопился домой. Когда после десяти в дверном замке повернулся ключ, Лена дрожала всем телом.

Молчаливо она наблюдала, как Денис идет в ванную, затем в спальню, чтобы переодеться. Слушала, как гремит на кухне посудой (опять варит кофе на ночь глядя), как после направляется в кабинет. Дальше отсиживаться было нельзя.

— Денис? — она несмело окликнула его почти на выходе из гостиной. — Я хочу кое-что обсудить.

— Лен, давай потом? — Не оборачиваясь, он что-то изучал в телефоне. — Я не успеваю с иском, прости.

Лена смотрела него, чувствуя, как слезы подбираются к глазам.

— Я пытаюсь поговорить с тобой месяц, — сказала она тихо. — Ты не замечал?

— Лен... — Денис устало вздохнул. — Я говорил тебе...

— Да, очень загруженный месяц, я помню, но... я не слепая. Я вижу, знаю, что дело совсем не в этом. Не обманывай ни себя, ни меня.

Он наконец-то повернулся и взглянул в ее сторону с раздраженным недоумением.

— Это бред. Я просто занят.

— Да? — Ленин голос вдруг взлетел. Боль, что билась в ней столько лет, каплями лилась наружу. — Работой или мыслями о Морозовой?

— Что? — Денис лишь на мгновение промедлил с ответом, но и этой секундной паузы, переполненной шоком и страхом, оказалось достаточно. Встретившись с ним взглядом, Лена призналась на выдохе, отрезая все пути для отступления раз и навсегда:

— Я знаю. Денис, я давно знаю.

— Ты о чем?

Она покачала головой. Горечь топила ее в себе.

— Не надо. Я все знаю.

— Лена...

Она не дала ему закончить:

— Я думаю, нам нужно развестись.

Глава 13

Кровь стучала в ушах, кожу холодил нервный пульс и по телу курсировала лишающая последних сил дрожь. На выходе из гостиной Денис, застывший напряженной и неподвижной глыбой после раздавшихся недавно слов, смотрел куда-то в пол, и ни одной эмоции на его бесстрастном лице прочесть было нельзя.

Молчание длилось едва ли больше минуты, но Лёну будто выбросило из привычного мира в холодную, беспрогля

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.